

№6
Июнь 2007

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

A photograph of a middle-aged man with glasses, wearing a dark pinstriped suit, a white shirt, and a dark tie. He is seated and gesturing with his right hand, palm facing forward. The background shows a wooden interior with a window and curtains.

**РАБОТАТЬ!
ОТДАВАТЬ
РАБОТЕ
ВСЕ СИЛЫ**

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным
целям, мы объединяем опыт, знания
и силы, чтобы двигаться вперед
и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

 Внешторгбанк

ОАО Внешторгбанк. Генеральная лицензия Банка России №1000

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Уznaдзе, Донара Кандаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№6
(21)
Июнь 2007

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАЗДНИК		4
СТИЛЬ ЖИЗНИ	«ДАВАЙ ПОДОЛЬШЕ ПРОЖИВЕМ...»	6
ФЕСТИВАЛЬ	ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ – БЕЗ ГРАНИЦ И РАССТОЯНИЙ	8
ФЕСТИВАЛЬ	ИСКУССТВО ВЫШЕ ПОЛИТИКИ	10
ТРАДИЦИЯ	ТИПЫ СТЕРЕОТИПОВ	11
МИР РУССКОГО СЛОВА	САМОРОДНОЕ БОГАТСТВО	16
О, СПОРТ!	СВЕТЛОЕ ИМЯ	18
АНОНС		22
ШЛЕЙФ ПРОШЛОГО	«И НЕБО УСЛЫШАЛО МОЕ МОЛЕНИЕ»	24
ЭКОНОМИКА	ГРУЗИНСКОЕ ВИНО – ЛУЧШЕЕ В МИРЕ!	29
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ВЗГЛЯД СО СЦЕНЫ	30
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	«Я ВСЕГДА ШЛА НАВСТРЕЧУ ТРУДНОСТЯМ»	32
НОСТАЛЬГИЯ	«ГРУЗИЮ ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»	36
ЗНАЙ НАШИХ!	«ЖИВИТЕ СПОКОЙНО – ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!»	38
ПАМЯТЬ	ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ	41
ЛИТЕРАТОРИЯ	МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ	42
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ЗУРАБУ АНДЖАПАРИДЗЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ	50

На обложке - почетный гражданин г. Тбилиси Евгений Примаков

**26 мая Грузия торжественно
отметила национальный праздник —
День восстановления государственной независимости**

Фоторепортаж Анатолия Гайде

«ДАВАЙ ПОДОЛЬШЕ ПРОЖИВЕМ...»

Евгений Примаков — едва ли не самая загадочная фигура политического истеблишмента нынешней России, один из людей, вершащих новейшую историю. Начиная как журналист и ученый. Возглавлял Институт востоковедения АН СССР (1977 — 1985) и Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР (1985 — 1989). В архисложный для страны период, на переломе эпох — в ноябре 1991 года — назначается директором Службы внешней разведки России.

С января 1996 года он — министр иностранных дел России. С сентября 1998 года — глава правительства Российской Федерации, занявший этот пост после сокрушительного дефолта и сумевший найти пути преодоления жесточайшего кризиса.

Сегодня лауреат Государственной премии СССР, академик Российской Академии наук Евгений Примаков работает председателем Торгово-промышленной палаты РФ. В этом качестве он посетит в середине июня Тбилиси и примет здесь участие в заседании Совета глав торгово-промышленных палат стран СНГ.

В одном из интервью, давая которые Евгений Максимович не большой любитель, он сказал, что, среди всех своих многочисленных наград, выделяет звание Почетного гражданина Тбилиси, города, причастность к которому он не перестает чувствовать.

В грузинскую столицу Евгений Примаков переехал с семьей семилетним мальчиком. Один из самых влиятельных людей современного мира поселился тогда с мамой — Анной Яковлевной Примаковой — в комнате площадью 14 квадратных метров в коммунальной квартире на Ленинградской улице. Анна Яковлевна,

по профессии врач-гинеколог, пошла работать в женскую консультацию Тбилисского прядильно-трикотажного комбината, где и оставалась единственным врачом в течение 35 лет. Ее вспоминают как знающего, опытного специалиста и отзывчивого человека. К тому же, справедливого и очень смелого. Не раздумывая, она отстаивала права своих подопечных. Могла и по-серьезному поговорить с руководством, если на производстве беременные женщины не получали положенных им по закону льгот. Начальство, впрочем, уважало ценного работника, и до неприятностей дело не доходило.

Обо всем этом Евгений Максимович услышал на похоронах матери 19 декабря 1972 года от сотрудников комбината, провожавших любимого доктора в последний путь почти в полном составе. Самому ему трудно было представить себе маму жесткой. Он был единственным ребенком, светом в окошке, которому многое разрешалось. И прощалось многое.

Комбинат находился далеко от дома. А когда началась война, Анна Яковлевна нашла и вторую работу, загружая себя до предела, чтобы сын был обеспечен необходимым. Женя рос нормальным озорным парнем, подолгу пропадал на улице, был заводилой среди товарищей. Но и учился неплохо, больше других предметов любил математику, историю, литературу.

О школе у него на всю жизнь сохранились самые теплые воспоминания. Позже он с благодарностью скажет, что преподаватели там были очень сильными, благодаря чему выпускники русских тбилисских школ на равных и без всякого блата выдерживали конкур-

сные экзамены в престижные московские вузы. Позже, закончив 11-й класс 14-й мужской средней школы, через вступительные экзамены в Москве пройдет и Евгений Примаков. Но пока он не знает об этом. После окончания семилетки подросток отправляется в Баку и поступает там в Военно-морское подготовительное училище.

Моряка из него не получилось. Через два года курсанта Примакова отчислили по состоянию здоровья – врачи обнаружили начальную стадию туберкулеза легких. Вернувшись в Тбилиси, он излечился заботами матери. И больше уже о военной карьере не помышлял, а поступил в 1948 году в Московский институт востоковедения.

Потом началась напряженная, трудная и интересная жизнь, продолжающаяся до сих пор. В ней приходилось принимать архиважные решения и за очень многое отвечать, стоять перед почти неразрешимыми задачами и находить выходы, казалось бы, из безвыходных положений, участвовать в событиях, судьбоносных для человеческого сообщества, и играть в них ключевые роли. Он объездил весь мир, может быть, и не один раз. Общался с самыми влиятельными людьми планеты, дружил со многими из них.

Грузия всегда оставалась в его сердце. Воспоминания детства никуда не уходят. Учась на третьем курсе, Евгений женился на тбилисской девушке, студентке Грузинского политехнического института Лауре Харадзе, которая после замужества перевелась в Москву, на электромеханический факультет Института имени Д.Менделеева. Они прожили 36 нелегких, но счастливых лет. Особенно трудно было на первых порах, когда своего жилья еще не было, и молодым супругам с маленьким ребенком не очень охотно сдавали в Москве комнату. Пришлось отправить сына, разумеется, в Тбилиси, где он воспитывался у бабушки до двух с половиной лет.

Этот город воспринимался как надежный тыл, дом, где и стены помогают. В 1975 году на сложном этапе советско-американских переговоров родилась идея пригласить партнеров из США на ужин в тбилисскую семью, к тете супруги Евгения Максимовича – Надежде Харадзе. Жильцы всего дома, в котором находилась ее квартира, знали о предстоящем событии и готовились к встрече высоких гостей. Профессор консерватории, в прошлом примадонна Тбилисского оперного театра, Надежда Харадзе жила, как и многие настоящие грузинские интеллигенты, довольно скромно. Хороший сервис пришлось одалживать у соседей.

Но вечер удался – прекрасный грузинский стол, русские, грузинские и американские песни. Атмосфера была по-настоящему радушная, раскрепощенная. Гости засиделись до трех часов утра и даже отложили вылет самолета. Впоследствии они признавались, что поначалу недооценили искренность хозяев, склонны были считать происходившее очередной «потемкинской деревней». Кто-то даже подошел к портрету Хемингуэя, висевшему над письменным столом, чтобы убедиться, что он не повешен специально по этому случаю. Но в итоге у всех остались об этой встрече самые

теплые впечатления и воспоминания.

Потерю жены Евгений Примаков переживал очень тяжело. Эрудированная, прекрасно разбиравшаяся в искусстве, сама блестящий пианист, никогда не кривившая душой, не выносящая лжи и лицемерия, интернационалист по убеждениям и, в то же время восхищавшаяся лучшими чертами представителей грузинского и русского народов, очаровательная женщина – такой видели Лауру Харадзе все, кто знал ее. Через семь лет после ее смерти Евгений Максимович женился второй раз. Его нынешняя супруга, по профессии врач-терапевт, по признанию Евгения Примакова, многими чертами своего характера напоминает Лауру Харадзе. Ирина Борисовна не была с ней знакома, но с исключительной теплотой относится к ее светлой памяти.

Сегодня Евгений Максимович Примаков продолжает жить по им же самим выведенной формуле: «Работать! Отдавать работе все силы». И остается человеком редкого обаяния, одним из самых стильных

На выставке работ Ладос Гудиашивили

Справа - Е.Примаков. 1949г.

С супругой Лаурой

политиков, остроумным собеседником, хорошим другом. Считает, что если отнять у человека работу или дружбу, жизнь его окажется неполной. «Я много раз грешил, но никого не предал», – сказал он однажды. Возможно, и это, в какой-то мере, из тбилисского детства. О том, что этот неординарный человек умеет дружить, говорят многие. А недавно в этом могла убедиться и широкая аудитория телезрителей, все, кто смотрел по каналу «Культура» вечер, посвященный празднованию юбилея замечательного грузинского кинорежиссера Резо Чхеидзе в Москве.

Еще Евгений Примаков пишет стихи, очень личные, исповедальные. Да настоящие стихи иными, наверное, и не бывают. «Давлю в себе раба, работы нет труднее...» Чтобы говорить такое и так, нужно быть очень мужественным. А вот другие строчки: «Давай подольше проживем без шишек, синяков, грибов корзину соберем, подышим глубоко...»

Долгих и счастливых лет Вам, Евгений Максимович!

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

Литература на русском — без границ и расстояний

Олег Воловик

Соорганизатором первого Международного русско-грузинского поэтического фестиваля является Международная федерация русскоязычных писателей (МФРП-IFRW). Председатель правления МФРП Олег Евгеньевич Воловик отвечает на вопросы корреспондента журнала «Русский клуб».

- Кто является учредителем и инициатором Международной федерации русскоязычных писателей, каковы ее цели и задачи?

- Идея ее создания продиктована самой жизнью, острой необходимостью укрепления международных позиций русского языка. Так сложилось, что разветвленные связи и контакты со многими литераторами в разных странах мира трансформировались в мощное творческое сообщество единомышленников. Мне посчастливилось быть в числе инициаторов и учредителей организации, среди которых писатель Давид Маркиш (Израиль), поэт Юрий Кобрин (Литва), президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова Николай Свентицкий (Грузия), талантливые литераторы Михаил Болдырев, Андрей Чижик, историк Дмитрий Балалыкин (Россия), Международный общественный Фонд «Мир без войны» (Россия) и Фонд гражданского сотрудничества, культурного и духовного наследия (Венгерская Республика). Организация консолидирует гуманитарное пространство русскоязычного мира — представителей разных культур и национальностей, способствует взаимной поддержке и защите профессиональных интересов, сохранению приверженности к языку, расширению и укреплению многогранных связей и творческих контактов, культурному многообразию, повышению социальной значимости русскоязычной литературы.

Хорошая литература не имеет границ, она наднациональна, достояние мировое! Заметить, развить, распространить золотые крупницы русскоязычной словесности в разных странах, донести их до читателей — вот главная, основная цель. Каждому писателю важны возможности публикаций, защита их авторских прав, переводов на иностранные языки, признание. Мы стараемся поддерживать наших авторов, ищем возможности. Постепенно возник невероятный интерес к сотворчеству, взаимному продвижению результатов литературного труда, переводу произведений наших авторов — членов МФРП на другие языки, взаимодействию с литературными агентами на весьма обширном географическом пространстве, проведению конференций, фестивалей, презентаций, учредительству новых литературных премий и наград...

На сегодняшний день Международная федерация русскоязычных писателей, зарегистрированная в Лондоне, со штаб-квартирой в Будапеште, имеет официальных представителей, отделения и филиалы почти в пятидесяти странах мира. Наши ряды растут каждодневно.

- Как вы функционируете, что уже сделано, какие мероприятия проведены, что собираетесь делать?

- У нас весьма обширные планы, часть из них успешно реализуются. Так, в феврале этого года проведена великолепная конференция писателей в Изра-

иле, в г. Тверия (официальный представитель и зам. председателя правления МФРП Давид Маркиш), в марте состоялась презентация МФРП в Хельсинки, в рамках программ журнала LiteraruS, организованная писательницей Людмилой Коль, представляющей интересы организации в Финляндии. В мае – круглый стол в Кишиневе (представитель МФРП – писатель Сергей Эрлих). Очень интересные и перспективные контакты и совместные программы осуществляются с ассоциацией иностранных студентов в России (член правления МФРП господин Кочофа Анисет Габриель (Бенин)). Недавно мы провели литературный конкурс среди иностранных студентов в Нижнем Новгороде и приняли решение, что он станет традиционным, распространяемым на сотни вузов России. Совместно с командованием Черноморского флота учрежден новый литературный конкурс, условия которого будут обнародованы в ближайшие дни. Планируется международная конференция женщин-писательниц в Будапеште, а также литературный конкурс поэтических и прозаических произведений о знаменитых токайских винах, учрежденный совместно с мэрией г. Токай и министерством сельского хозяйства и развития регионов Венгрии. Особо хотел бы отметить крепкие, долгосрочные программы сотрудничества, развиваемые совместно с Международным христианским фондом Десницы св. Иоанна Крестителя, Фондом «Мир без войны», Олимпийским молодежным фестивалем и Спортивным информационным агентством Олимпийского комитета России. Впрочем, об этом сотрудничестве я предпочел бы рассказать Вам несколько позже, тем более, что рассказ о нем занял бы довольно много места в вашем замечательном журнале... У нас складываются великолепные отношения с общественными и государственными организациями, со многими регионами, городами, их руководителями, учреждениями культуры, парламентариями, издательствами, литературными агентствами, книготоргующими фирмами в целом ряде стран мира.

У Федерации, открытой для новых членов, есть свой мощный сервер и довольно большой Интернет-портал <http://rulit.org>, где подробно отображаются все текущие дела и перспективы, рассказывается, как и кому можно вступить в МФРП. В настоящее время на портале осуществляются обширные технические работы по формированию интерактивных каталогов издательств, литературных переводчиков, книжного Интернет – магазина авторов – членов МФРП, организации радиовещания МФРП в Интернете, созданию Интернет-библиотеки литературно-поэтических аудио-файлов. Готовятся к выпуску альманахи – толстый литературный журнал «Ось», а также Вестник МФРП – наши периодические издания. В печатных изданиях, к которым мы имеем или будем иметь отношение, представлены лучшие поэтические и прозаические произведения, собираемые из десятков стран мира. Кроме того, начат сбор, систематизация материалов и подготовка к изданию огромного «Атласа литературного русскоязычного мира».

- Как один из организаторов и участников Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, что Вы можете сказать о его цели, Ваши личные пожелания остальным участникам.

- Литераторы – представители многих этносов,

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

INTERNATIONAL FEDERATION OF RUSSIAN - SPEAKING WRITERS

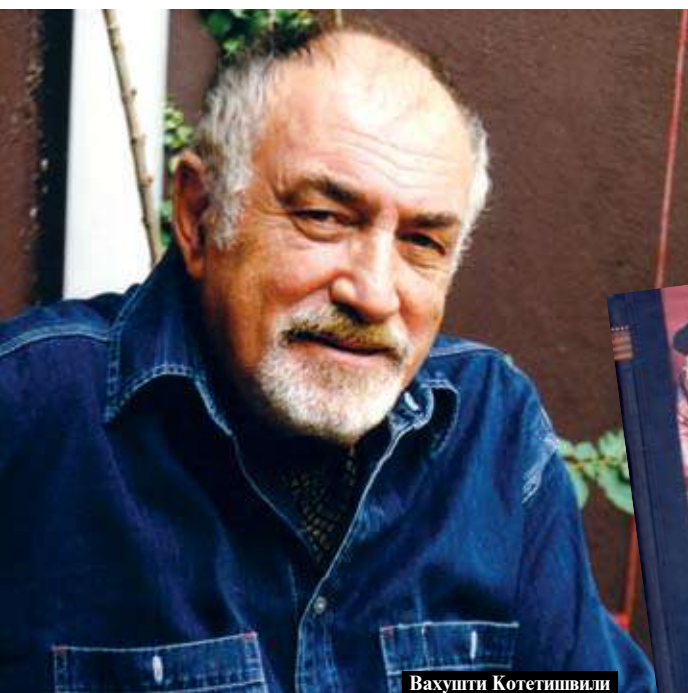
Документы и материалы

традиций и культур, граждане разных стран на всех континентах, благодаря русскому языку, на котором они создают свои произведения, имеют великолепную, порой уникальную возможность передать во всем многообразии необыкновенные глубины выражения национальной культуры, взаимосвязи и истории народа, громадную палитру чувств и оттенков. Литература, созданная на русском языке, вызывает огромный интерес, является притягательной силой, живительным источником взаимопонимания и культурного обогащения. Раскрыть своими произведениями сердце, способное любить и ненавидеть, замереть и снова биться – прекрасная, достойная цель, которой служит организованный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль в Грузии. Уверен, что он станет значительным культурным событием, послужит позитивным фактором для преодоления накопившихся противоречий, мощным импульсом к развитию и укреплению международного общения, перерастет в добрую традицию. А нашим авторам хотел бы пожелать счастья, мира, любви, радости общения, преодоления новых литературных вершин, глубины и мудрости творчества, ответственности, новых прекрасных книг и благодарных читателей.

Искусство выше политики

Родился в 1935 г. в семье выдающегося грузинского ученого, художника, скульптора и общественного деятеля Вахтанга Котетишвили. Писатель, поэт, переводчик, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических наук Грузии, председатель Центра охраны и восстановления народного искусства. В 1937 году отец, Вахтанг Котетишвили, был репрессирован и расстрелян. Его семья разделила трагическую судьбу лучших семейств Грузии во время сталинских репрессий. В 1954-1959 гг. Вахушти Котетишвили – доцент факультета востоковедения ТГУ. С 1962 г. – профессор кафедры иранской фило-

Вахушти Котетишвили

логии. Печатается с 1956 г. Переводил с иранского, немецкого, русского, голландского языков. Удостоен литературных премий Франции, Австрии, премии «Саба» (Грузия). В 2007 г. решением Иранской государственной комиссии признан одним из шести лучших переводчиков с иранского языка, награжден правительственной грамотой Ирана. Издал 22 книги собственных произведений и переводов.

- *Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, который проводится Международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб», Международной федерацией русскоязычных писателей – первый фестиваль такого масштаба за последние десятилетия. Что Вы ждете от него?*

- Это очень интересное мероприятие, и мне очень приятно, что фестиваль проводится именно в Грузии. Вообще всегда интересны такие творческие встречи.

И это еще раз доказывает, что истина, искусство стоит выше политики.

- *У России с Грузией были давние настоящие литературные связи, своя культура перевода...*

- Безусловно, и, по-моему, культурные связи сейчас продолжают. И очень успешно. Я лично сам раньше переводил персидскую поэзию, европейскую, а сейчас перешел на русскую. Раньше почему-то я думал, что не надо переводить на грузинский русскую поэзию, потому что каждый грузин знает и обязан знать русский язык настолько, чтобы все это читать в оригинале. Но мне самому захотелось заняться переводами русской поэзии, потому что искусство перевода чем-то напоминает спортивный азарт, ему не чужд спортивный интерес: как это получится. Очень интересно, я доволен своей работой.

- *Вы недавно перевели Цветаеву?*

- Да, недавно я выпустил книгу «Серебряный век плюс Бродский». В нее вошли стихотворения Анненского, Гумилева, Мандельштама, Пастернака, Цветаевой и Бродского.

- *Это замечательно, тем более что Ваши переводы, в том числе некоторых стихотворений Бродского, большинство грузинских поэтов называют конгениальными. Однако, вернувшись к литературным взаимоотношениям, хочется заметить, что раньше это происходило (встречи, приезды, переводы, подобно Пастернаку с Табидзе) систематически. Сейчас – прекратилось. Может фестиваль стать первой ласточкой, началом восстановления более регулярных связей, а не точечных?*

- Да, весьма желательно, чтобы фестиваль стал началом возрождения наших культурных, литературных связей. Я от всей души приветствую это начинание и хочу выразить свою благодарность организаторам этой встречи.

- *Я заметила, что многие из участников фестиваля очень хотят приехать в Грузию, ради чего отменяют свои другие поездки, причем иногда важные. Кто-то хочет вспомнить, кто-то едет впервые...*

- Это очень приятно, я надеюсь, что им понравится и Грузия, и народ. Я знаю, что грузины очень сердечно принимают дорогих гостей.

- *На фестиваль приезжают выдающиеся поэты, такие, как Гандлевский, Цветков, из Украины – замечательный поэт Борис Херсонский, из Италии, еще из России ждем хороших поэтов,*

из Израиля писатель Давид Маркиш и многие другие со всего мира. Ведь о современной русской и грузинской поэзии и вообще литературе известно гораздо меньше, чем раньше. И теперь мы можем познакомиться друг с другом заново, получше.

- Конечно. Раньше были очень тесные связи, известнейшие грузинские и русские поэты не только сотрудничали, но и дружили, сейчас эти связи ослабли. Я сам, большой, профессиональный любитель русской поэзии мало знаю, что творится сегодня в литературной жизни России. И такие встречи, надеюсь, помогут поближе познакомиться друг с другом и восстановить давнишние связи.

ИННА КУЛИШОВА

ТИПЫ СТЕРЕОТИПОВ

Грузия в русской поэзии и заметках путешественников

«Поэзия относится к реальности, как беловая рукопись к черновику. Драматизм жизни не выдумка искусства. Драма в природе вещей, но вещи ее застят. Поэзия наводит жизнь на резкость, и главная праздничная основа существования проступает из повседневной невнятицы. Поэзия - это сослагательное наклонение жизни, память о том, какими мы были бы, если бы не... Короче говоря, поэзия в состоянии улучшать нравы». Так написал Сергей Гандлевский в эссе «Польза поэзии».

И именно после этих слов хочется снова вспомнить, какой была и как воспринималась Грузия в русской поэзии в течение двух веков. Известны два ее стереотипа, причем вполне оправданных: страна поэтов и страна театра (виноделия и застолья – разговор отдельный, а многоголосие с поэзией связано). Город и страна с азиатскими и европейскими чертами, одной из которых, к примеру, был в XIX веке тбилисский театр, поразивший Александра Дюма «простотой и в то же время характерностью орнаментов: можно было подумать, чтоходишь в коридор театра Помпеи».

Давайте вспомним, чем все-таки славен наш край среди других ему не подобных. И если углубимся, то поймем, что не так уж плохо воспринималась раньше страна своими ближайшими соседями, равно как и наоборот. Речь идет об устойчивых образах, символах и стереотипах. Причем исключительно в культурном смысле. Так сказать, Грузия как идиома в восприятии очевидцев, по совместительству и поэтов...

М. Лермонтов. Автопортрет. 1837г.

Грузия как Муза и точка слияния Востока и Запада

«Если ты поедешь на Кавказ, - уверял Лермонтов своего друга Раевского, - ты вернешься поэтом». Так воспринимали Кавказ в общем и Грузию – более всего Грузию – в частности российские поэты, литераторы XIX и XX века. И такое восприятие многим, чья душа не лишена сантиментов и открытости, кажется наиболее приемлемым.

«Странное дело! – писал В.Г.Белинский, - Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу

одну из первых своих поэм — «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм — «Галуб» тоже посвящена Кавказу; несколько превосходных лирических стихотворений его также относятся к Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия ее сынов вдохновили его... И вот является великий талант [Лермонтов] — и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно-любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчаных вечным снегом, находит он свой парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках он находит свой Кастальский ключ, свою Иппокрену... Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим кра-

А.Грибоедов

ем, купленным драгоценною кровию сынов ее и подвигами ее героев. И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...

Обратим внима-

ние, что для многих поэтов Грузия не отождествлялась со всем Кавказом, и была более смягчена, дружелюбна и приятна для местопребывания. «Путешествие в Арзрум»: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога... Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагвой, сменили мрачные ущелья и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодородные деревья. Водопроводы доказывали присутствие образованности. Один из них поразил меня совершенством оптического обмана: вода, кажется, имеет свое течение по горе снизу вверх». «Суровый край свободы» влек их к себе, стал для них «тайником богатых откровений» (Лермонтов), «любопытным во всех отношениях» (Пушкин).

О медленных дорогах XIX столетия, дорогах поэтов, писателей, написано столько в двух веках, что не

имеет смысла пересказывать — разве что снова слегка коснуться их пребывания на этой земле, разного, насыщенного, часто очень счастливого. Особый путь был у автора «Горя от ума». Грибоедов любил Грузию, по словам одного из его современников, «так пламенно, так чисто, как редкие любят даже родину свою».

В 1828 году Александр Сергеевич разработал обширный проект хозяйственно-культурного преобразования Закавказья («Российская закавказская компания»), о беспорядке местного населения, требует учитывать местные условия, уничтожить неравенство между «господствующими» и «подчиненными» наро-

дами, о необходимости развивать промышленность, сельское хозяйство, торговлю, подъем культурного уровня населения... «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто не понимает и не принимает. Дайте народу им же самим выбранных судей, которым он доверяет, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном — не прибегайте ни к какому насилию», — писал он. «Светло светит луч дневной, / Рано ищут, любят друга... / Ты знаком ли с той страной, / Где земля не знает плуга, / Вечно-юная блещит / пышно яркими цветами / И садителя дарит / Золотистыми плодами?..» В грибоедовском стихотворении «Там, где вьется Алазань...» подчеркивается девственность Земли. Вечно юная женщина, окутывающая

нею, прохладой и теплотой путника и пришельца, щедрая и целомудренная. Не знающая цивилизации и оттого порою выглядящая дикаркой. Нежная и в то же время страстная, ее теплота может стать выжигающей: «Странник, знаешь ты любовь, / Не подружку снам покойным, / страшную под небом знойным? / Как пылает ею кровь? Ей живут и ею дышат, / Страждут и падут в боях / С ней в душе и на устах». Стихотворение будто написано про любимую женщину, которую и любишь беззаветно и до конца («Что судьба, разлука, смерть!..») — иной любви эта земля не понимает и не признает. Это и хранительница очага, которая свято чтит традиции, предана мужу и любит детей. И ради них она готова на все, потому и бывает страшной и бесстрашной, язычески непримиримой к тем, кто нарушает святыне законы материнства и верности. В частности, об этом — незаконченная трагедия Грибоедова «Грузинская ночь». Здесь предстает иной образ земли, воплощенный в главной героине — кормилице князя и няне его дочери. Сюжет взят из народных преданий, тут соединены христианство и язычество: христианская страна с сохранившимися на уровне фольклора и народных обычаев языческими обрядами.

А может, когда поэт писал о любви — нежной, страстной и одновременно целомудренной, он писал о своей будущей жене? Грузия подарила ему и единственную любовь. Из письма Булгарину, о Нине: «Нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день»...

История любви дочери выдающегося поэта и общественного деятеля Александра Чавчавадзе и великого поэта, государственного деятеля, дипломата уже была продолжена в стихах: знаменитая поэма

Подарок Нине Чавчавадзе от Александра Грибоедова

Я.Полонского «Н.А.Грибоедова», потрясенного Ниней, которая почти каждый день поднималась на священную гору к могиле мужа.

О чем она думала? О счастливых днях и ночах, когда ее будущий супруг, будучи на много лет старше юной девушки, учил ее целоваться? А может, о том страшном моменте, когда она узнала о его гибели и лишилась ребенка? «Там, в темном гроте — мавзолее, /И - скромный дар вдовы - /Лампадка светит в полутьме, /Чтоб прочитали вы /Ту надпись и чтоб вам она /Напомнила сама - /Два горя: горе от любви /И горе от ума», Я.Полонский.

И эта история любви еще найдет себя в кинематографе, история жизни поэта тем более. Кстати, уже когда-то был написан сценарий (Ираклий Квирикадзе), собирався снимать фильм Никита Михалков, но по тем или иным причинам съемки были отложены.

Тифлис, пестрый град, которым восхищались путешественники Запада и Востока разных веков. «С чего начать?! /Представьте, я брожу /По улицам — а где, и сам не знаю, / Тифлис оригинальным нахожу, / По крайней мере, не скучаю, - /Представьте, наконец, - я в улицу вхожу /Кривую, тесную - со старыми домами, /Направо и налево лавок ряд - /Вот караван-сарай, восточными коврами /Увешан пыльный вход, узоры их пестрят, /Но я иду от них сквозными воротами /На низкий дворик, устланный плитами, /С бассейном без воды, и слышу, как шумит /Волна в Куре, - куда она спешит, /Неугомонная, живая?..», - это строчки из «Прогулки по Тифлису» Якова Полонского в сборнике «Сазандар», выпущенном в Тбилиси. «Тифлис для живописца есть находка, - /Взгляните, например: изорванный чекмень, /Башлык, нагая грудь, беспечная походка, /В чертах лица задумчивая лень...»

В литературе и заметках европейских путешественников прошлых столетий Грузия вряд ли воспринималась как часть Запада и Европы, оставаясь тем не менее притягательной для всех. Так, великий француз Александр Дюма-отец планировал провести в Тифлисе одну неделю, а остался на целых полтора месяца и после путешествия на Кавказ вернулся в Марсель в грузинской одежде. Уже только по этому факту можно судить об отношении писателя к этому горному краю. Он говорил, что «Грузия — это одухотворенная Галатее, преобразенная в женщину». Дюма, как и его предшественники, как и Пушкин, также восхищался тифлисскими банями, которые, как он пишет, отличались библейской простотой, и писатель сетует, «почему Париж, этот город чувственных наслаждений, не имеет подобных бань? Почему ни один делец не выпишет хотя бы двух банщиков из Тифлиса? Тут, конечно, и польза была бы и барыши». Почему бы, хочется продолжить, не организовать хороший бизнес грузинской кухни на Западе, почему грузинские рестораны быстро закрываются в Европе? Конечно, прогнать с улиц торговцев полегче, чем выгнать из храма — нет, дело благое, город и так засорен во многих смыслах, главное, чтобы у людей, как покупателей, так и продавцов, хватило денег и сил на дорогу до базаров, какими издревле славился Тифлис, о чем свидетельствуют воспоминания очевидцев, особенно чистотой рынков, что в наше время кажется довольно удивительным.

Вот как запомнил Тифлис 1671 года известный

путешественник Шарден: «Тифлис — один из лучших городов Персии... Город окружен прекрасными и крепкими стенами. На южной стороне его расположена крепость, в которой помещается персидский гарнизон и живут исключительно персияне... Церквей в городе 14... В Тифлисе прекрасные здания. Базары... обширны и содержатся чисто. Караван-сарай также. В городе мало частных бань, так как все ходят в общественные... Магазины хорошо построены и содержатся чисто. Дворец царя Ростомы бесспорно есть лучшее украшение города. Он заключает в себе огромные залы, обращенные к реке с большим дворцовым садом».

Известный исследователь национальных образов мира Георгий Гачев пишет: «Грузин — сток и по горизонтали географии, и по вертикали гор и памяти. Тут слив эллинизма (Колхида), христианства (Византия и православие), ислама (арабский халифат, турки); Ирана (изящество и эстетизм культуры) — и чрез то: арийство, Индия, мудрость Востока; страстотерпство от кочевников: монголов, сельджуков. И включенность в судьбы Руси дальней, в ее историю и величие — и оттуда одухотворение. Еще и из древности армянской: через Урарту тут вток цивилизаций южно-платогорных, древних. Еще один слив в долину Грузии ныне происходит — цивилизации западной, европейской, современной: наука, интеллект, модная экипировка, сексуальная революция... И это нашествие — почище монгольского: вырезает национальную субстанцию, хотя кажется, что — безболезненно... Быть сводом меж эллинизмом языческим, христианством, российством, исламом в двух вариантах: утонченно-персидском и тюркском; меж Индией, арийством и Востоком, дао — и плюс европеизм современный! Большая тут каша заварена историей и культурой всемирной!» Точка зрения отчасти спорная, но не лишенная истины. В качестве сравнения можно привести пример еврейского народа. На улицах Израиля вы встретите голубоглазую блондинку, почти библейскую смуглую красавицу и иссиня-черного эфиопа в кипе. Все евреи! Понятно, что, скажем, эфиопы некогда приняли иудаизм, но там ведь не по крови, а по духу. Евреи и раньше повсюду были разными. До такой степени, что, встретившись в Нидерландах, сефарды (восточные евреи и потомки выходцев из Испании) и ашкенази (европейские) не признали друг в друге евреев. Герой Бабеля говорит, что «еврей, который сел на лошадь, перестал быть евреем». А вот в средневековой Испании иудеи ездили верхом, и притом вооруженными. И тем не менее они оставались самими собой.

Часто в восприятии Грузии мелькают у русских поэтов персидские реалии. Так, в стихотворении «А.С.Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих Аргивян» (1823) Кюхельбекер, с горячим чувством вспоминая Грузию, «скалы Ананура», «высококамен-

Р.Стуруа. Портрет Нины Чавчавадзе

ный Тифлис», пишет: «Опять я гость твой, Гурджистан прекрасный!» - персидское именование Грузии. И тем не менее он же соотносит страну с Европой. «В Грузии, - говорит писатель, - небо ничуть не хуже итальянского, а гранатовые рощи, сто верст южнее Тифлиса, стоят здешних [итальянских] лимоновых и померанцевых».

Грузия, где «Поэзия – прежде всего» (Галактион), потому и платила ответной любовью русским поэтам в течение двух столетий. Начать хотя бы с того, что именно в Тифлисе и только раз в жизни Пушкину понастоящему пышно справили день рождения, неся его на руках в знаменитые тифлисские сады, с песнями, танцами, вином и т.д.

«Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые», - писал поэт. - Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образованности...» Трудно не согласиться и сегодня с мнением солнца русской поэзии. Т. Табидзе подчеркивал, что «волшебству пушкинского стиха Грузия в большей мере обязана тем, что у русских людей до сих пор сохраняется представление о ней, как о стране сказочных красот и неиссякаемой радости жизни».

«Здесь управляет природа, а не люди, - говорит Бестужев в очерке «Путь до города Куры», - но придет время, люди истопчут твоё сердце рудниками и каменоломнями, извлекут наружу твои внутренности; выворотят. Искажут обстригут тебя, конечно, человек выиграет, но поэт проиграет». Так и происходит это в наши дни.

И сравним с современным взглядом, причем изнутри. Так или иначе об этом говорит Отар Чиладзе, о романе которого «Шел по дороге человек» Л. Аннинский, в частности, пишет: «...грузинский мифологический эпос новейшего времени оборачивается не уникальным в своем безумии эпизодом, а шагом в мировом паломничестве человечества к праисторической истине - чтобы спастись от индустриального безумия... Столица легендарных колхов, в греческом мифе возникавшая как точка приложения усилий предприимчивого Ясона, здесь - точка отсчета. При всей мифологичности предъявляемого нам образа в нем угадываются черты и запахи реальной Колхиды, реконструируемой грузинским сознанием в качестве вечной национальной ценности. Это мир неунывающего народа, где все живут радостью общения. Замки не запираются, кумушки чешут языками, соседи перебивают друг друга косточки. Ванцы добры и злы, незлобивы и злорадны, самоотверженны и лукавы, как все отпрыски Адамова семени, только они еще с особенным чувством юмора...»

Суть грузинского народа абсолютно точно выразил Т. Абуладзе в своем гениальном фильме-притче «Древо желания», по рассказам Г. Леонидзе: в образе двух героев, которых играют Кахи Кавсадзе, придумавший для своего персонажа совершенно замечательную, соответствующую его сути походку, и Отар Мегвинету-хуцеси, незабываемый Элиос: прислушиваться к гулу Земли и искать лестницу в Небо. Народ, соединенный с Природой. А значит, с ее истоком.

В Грузии и культура застолья – это поэзия, о чем

не раз писал и Г. Гачев. Говорят, однажды в Тифлисе было полушуточное состязание: русский поэт Сергей Есенин попытался соревноваться с местным тамадой в искусстве произнесения тостов. Сами понимаете, кто одержал победу.

В изображении Кавказа только Пушкин, по мнению Бестужева, приподнял угол завесы этой величественной картины. «Но господа другие поэты сделали из этого великана в ледяном венце и в ризе бурь какой-то миндальный пирог, по которому текут лимонадные ручьи». Как писал Н. Эйдельман, «В конце XX столетия трудно, очень трудно толковать о Тбилиси в достаточно широкой компании: разговор-воспоминание обыкновенно сводится у говорящих и слушающих, точнее перебивающих, в набор нескольких сладостных образов: Мтацминда - проспект и театр Руставели - Лагидзе - серные бани - застольные речи тамады - Мцхета - Джвари - могила Грибоедова... Стереотип, сложившийся задолго до первого часа на грузинской земле, нередко мешает москвичу, ленинградцу, другому пришельцу обратиться к этому краю со своими вопросами, вздохнуть своим вздохом: не успел задуматься, оказывается, уж за него ответили и вздохнули».

XX век почти что подхватил эстафету романтического-винного ореола родины поэтов.

«Мы были в Грузии. Помножим/Нужду на нежность, ад на рай,/Теплицу льдам возьмем подножество,/И мы получим этот край», Борис Пастернак. «Кахетинское густое/Хорошо в подвале пить, -/Там в прохладе, там в покое/Пейте вдоволь, пейте двое,/Одному не надо пить!», Осип Мандельштам. Сергей Есенин: «Прости, Кавказ, что я о них/Тебе промолвил ненароком,/Ты научи мой русский стих/Кизилковым струиться соком...///Я - северный ваш друг/И брат!/Поэты - все единой крови./И сам я тоже азиат/В поступках, в помыслах И слове». Обратим внимание, что все-таки не по-европейски воспринимали подчас Грузию и в XX веке. Но зоркий глаз поэта увидит и большее.

В статье «Кое-что о грузинском искусстве» Осип Мандельштам пишет: «Войдите в национальный музей грузинской живописи в Тифлисе. Перед вами предстанет длинная вереница строгих портретов, преимущественно женских, по своей технике и глубокому статическому покою напоминающих старую немецкую живопись. В то же время плоскостное восприятие формы и линейная композиция (ритм линий) дышат приемами персидской миниатюры. Эти работы безымянных живописцев – настоящая победа грузинского искусства над Востоком. И как ничтожны перед ними танцующие осколки скрипки, разбитой Пикассо, пленившие новую грузинскую живопись».

Движение к европейской культуре началось именно в эти два столетия. В первой трети XX века грузинские литераторы выдвигают лозунг «Прочь с Востока!». Сегодня этот процесс более активный. «Грузинская литература находится в очень необычном положении, - пишет российский поэт и критик Илья Кукулин. - По отношению к Европе она «младшая»: Грузия поздно вошла в Европу, Европа поздно заметила Грузию (а в Америке так вообще считают, что это штат такой: Georgia). Но сама по себе грузинская литература насчитывает более полутора тысяч лет истории, напрямую связана с традициями Византии, отчасти средне-

векового мусульманского Востока. Теперь грузинские авторы внимательно читают европейскую и американскую поэзию и философию».

От сентиментальности и романтической поэтической традиции внешнего восприятия Грузии отчасти отступили более поздние поэты: Тарковский, Галич, Мандельштам. Вот небольшой отрывок из произведения Галича: «И это все - и Сталин, и хурма,/И дым застолья, и рассветный кочет,-/Все для того, чтоб не сойти с ума,/А суть Твоя является сама,/Но лишь, когда сама того захочет!//Прекрасная и гордая страна!/Ты отвечаешь шуткой на злословье,/Но криком вдруг срывается зурна,/И в каждой капле кислого вина/Есть неизменно сладкий привкус крови!//...И женщины не спят, и плачут дети,/Грохочут сапоги на всю страну!/А Ты приемлешь горе, как вино,/Как будто только ты за все в ответе!». В известных стихотворениях Ахмадулиной, где избыток чувств вводит в ее поэтические строки грузинские слова, открывается суть той прежней Грузии, которую мы любим: «...о Гмерто! знаю:/Ты пребудешь с ними./О Господи! не задувай свечу/души моей, я - твой алгетский камень...», или: «Я помню Тифлис, что не ведал вражды/меж русским и турком, меж греком и курдом./Ты всякий любил и язык, и акцент,/любому народу желая прироста./Печалился ты: где шумер, где ацтек?/Всемирен объем твоего благородства». Одно из лучших стихотворений о Грузии написал А.Кушнер. Заключительный куплет: «Само собой, и здания, и люди!/Но погибать я буду - за балкончик/Я ухвачусь - и выскочу из жути,/И вытру пыль, и скомкаю платочек./Меня любовь держала - обвалилась./Всех тянет вниз, так не сдавайся ты хоть,/Ах, Грузия, ты в этой жизни - милость,/Пристройка к ней, прибежище и прихоть!»

Вместо послесловия

Вот это сочетание: гордость и девственная величавость, страстность, буйность нрава, непокорность и гибкость. Дикарка и любящая мать, варварка-Медея, непокорная и покоренная, и святая царица Тамара... Гордая и страстная жена, девственная и смиренная невеста с тонким станом, набожная христианка и язычница, добродетельная и фанатичная мать...Воин-смельчак с особым чувством юмора и свободы, готовый сражаться с каждым и принять любого гостя как царя, сумеющий сказать тост так, что каждый поэт задохнется от зависти. Кинто и карачохели...

Условно говоря, можно выделить несколько стереотипных – и не таких плохих, и не таких неверных – восприятий Грузии: свободолюбивая страна с первозданной природой, страна поэзии, вина, театра, романтическая по своей натуре с удивительным гостеприимством, мифологией: зачастую смесь древнего язычества (Медея, аргонавты и т.д.) с христианством, веротерпимость. Спокойный дух храмов и гордость, свободолюбие храброго воина, вино, дающее умиротворение...

Нравится нам это или нет, но, как думается, такое восприятие будет отходить в прошлое. Романтизм уступит место прагматике.

Сближаясь с европейской культурой, в первую очередь необходимо не забывать главное, о чем писал Мераб Мамардашвили: «Для меня европейская культура - это максимальное приближение к понятию

“назначение человека”. Назначение человека - это быть субъектом вечного непрестанного становления человеком. В этом смысле замыслом вселенной является очеловечивание человека и Европа - это максимальное приближение к реализации этого понятия».

Иначе говоря, это не массовость сознания, не готовность пойти за любым, выкрикивая в безличной и безличностной толпе имена вождей, но стремление к индивидуальности. Сегодня прежнее восприятие извне на время потеснит восприимчивость изнутри: иначе говоря, на смену стереотипам придут типы местной восприимчивости к той или иной культуре, образу жизни и т.д., обусловленные желанием присоединиться к общей европейской семье. Главное – выйти из культурной и информационной изоляции.

Узы Музы, связывающие Грузию с российской культу-

П.Соколов. Портрет А.Пушкина

Тбилиси. Пестрая баня

рой, казалось, ослабевают последнее время. Причин много, и не последняя – финансовая. Однако постоянно проходят разные фестивали, сюда снова приезжают русские поэты и писатели, грузинские поэты ездят в Россию, где их переводят и любят.

«Тбилиси... лежит вдоль Куры, - пишет современный поэт Глеб Шульпяков, - как угорь, повторяя ее изгибы. Прямые линии и острые углы тут вообще не в почете. Сглажено и закруглено все: от букв грузинского алфавита до красной линии фасада гостиницы “Тбилиси”... Из острых вещей - только ножи да перец... Тбилиси - город разностильный. Фасады российского ампира, от которого балконы попрятались внутрь, сочетается тут с еврейскими углами и каморами, а мечети стоят вровень с модерном. Модерн вообще к лицу Тбилиси - тоже ни одной прямой линии, сплошные загогулины! - а вот конструктивизм не прошел: по тем же причинам... Если вы едете в Грузию, бросьте часы: часы вам здесь более не понадобятся. От застолья до оперы все тут идет своим чередом. Это в Европе время бежит или тащится. В Грузии оно что чурчхела. Тут широко, там узко - течет по синусоиде и в ус не дует. И не пытайтесь изменить ход вещей! Запомните главное. Все, что обещано в Грузии, сбывается. Как? В этом-то вся интрига».

ИННА КУЛИШОВА

Самородное богатство

Илья Глазунов. Иван Грозный

Вместе с солнцем и теплом первых летних дней приходит в нашу жизнь светлый праздник, который особенно дорог каждому, для кого русская земля, русская история, культура, русский язык сливаются в единое понятие – Родина, День России! В этот день мы, соотечественники огромной страны, протянувшейся от Камчатки до Балтики, мы, разбросанные по всем континентам и странам, наверно, особенно остро ощущаем всю неизбежность своей причастности, к этому пространству, к синим прожилочкам рек на географической карте России, к старинным названиям городов, в которых слышится эхо нашей с вами истории. Новгород и Суздаль, Ярославль и Ростов, Казань и Москва, Санкт-Петербург... У каждого из нас есть точка на карте, которая отпечатывается в нашей душе и сознании ностальгическим, зримым ощущением для кого-то – гранитной набережной Невы, для кого-то – переплетением старых переулочков Арбата или голубыми куполами белоснежного храма где-то на Кубани.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Это четверостишие Федора Ивановича Тютчева дав-

но уже стало своеобразным гимном стране, чья «особенная стать» выражена, помимо всего остального, и в притягательной поэтичности народной души, поэзии нашей русской речи. И живя мы хоть в Грузии или Латвии, Америке или Австралии, если владеем русским словом, пока оно с нами – незримо владеем и удивительным богатством, заложенным в нем. Здесь и характер народа, и его история, обычаи и жизненный уклад.

Именно этот неповторимый колорит русской речи, «чеканные народных изречений» отмечал Михаил Шолохов: «...Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни – радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков».

Вслушайтесь, сколько метких, крылатых словечек и устойчивых словосочетаний (т.н. фразеологизмов), сколько поражающих своей точностью афоризмов наполняют нашу повседневную речь. Чаще всего, произнося привычную фразу, мы и не вдумываемся, а порою просто не знаем, что, помимо воли своей, как в дорожном сундучке, переносим в наши дни свидетельства давних дней, истории народа российского.

Вот и попробуем приоткрыть крышку таких «сундуков», оживить картинки истории, незримо запечатленные в русском слове.

Кто из нас не откладывал дела **в долгий ящик**? Как-нибудь потом, сейчас не до того... А что за «ящик» и почему он «долгий» – едва ли задумывались. Оказывается, родилось это выражение в XVII веке и связано с царствованием Алексея Михайловича. По его царскому указу был прибит возле дворца «долгий» (длинный)

ящик, в который просители могли опускать свои прошения – челобитные. Долго приходилось простым людям ждать решения своих дел. Совместились два значения слова «долгий» (длинный и долговременный) и придали всему выражению совсем уж безнадежный характер.

Отложить в долгий ящик – значит отодвинуть решение дела на совершенно неопределенное время.

Или вот знакомая каждому из нас ситуация. Читаем мы какой-нибудь бесполово составленный документ, юридически необоснованный, пустой и бессодержательный, и понимаем, что перед нами типичная **филькина грамота**. А начало это выраже-

ние берет еще со времен Иоанна Грозного. Как известно, одним из противоборцев единовластия царя был и митрополит Московский Филкин. В своих многочисленных посланиях-грамотах он стремился убедить Грозного распустить опричнину. Царя злили эти нападки и, чтобы скомпрометировать своего оппонента в общественном мнении, он стал презрительно именовать Филкина Филькой, а его грамоты – филькиными грамотами. Произви, данное Иоанном Грозным, прижилось в русском языке и со временем превратилось в синоним таких слов, как «недоумок», «недотепа», «разиня». Отсюда и «простофиля».

Со времен Иоанна Грозного пришло к нам и выражение **«казанская сирота»**. Так обычно мы говорим о человеке, прикидывающемся несчастным, обиженным, беспомощным, стремящимся разжалобить кого-либо. А историческая основа выражения, закрепившегося в народной речи, следующая. По свидетельствам сов-

Иллюстрация И.Глазунова
к «Незнакомке» А.Блока

ременников, после покорения русскими Казанского ханства татарские мирзы (князья) старались добиться от русских царей всевозможных поблажек, стремились разжалобить их, ссылаясь на свою горькую участь. Вот и заслужили в народе ироническое – «казанская сирота». Уж если отметит народ острым словом – век не отмоешься. Кстати, **перемывать косточки** – тоже древнее занятие. Кто этим не грешил? Видно, с незапамятных времен живет эта слабость в человеке – дай ему посудачить, а то и позлословить о ком-нибудь. А первоначальный смысл выражения «перемывать косточки» родился из существовавшего у славянских народов обряда «второго захоронения». По представлениям древних славян, нераскаявшийся грешник, если над ним тяготеет заклятие, мог выходить из могилы в виде упыря, оборотня и губить людей. Чтобы снять заклятие, нужно было останки покойного через несколько лет выкопать и сохранившиеся кости промыть чистой водой или вином. После этого они должны были быть погребены. И душа покойного успокаивалась. Пока перемывали каждую косточку, положено было вспоминать всю жизнь покойного, его поступки и характер, праведные и несправедливые его дела. Так что не стоит метать громы и молнии в сторону наших бабушек на лавочке у подъезда – древним делом занимаются. А уж если речь пошла о деле, как не вспомнить такое привычное – **«делу время, а потехе час»**! Иными словами – всему свое время, между делами можно выделить место и для развлечения. Но чтобы объяснить, откуда появилось это известное выражение в нашей речи, сначала нужно вспомнить час и время. Слово дело в старину имело много забытых теперь значений. Оно означало не только «работа», «труд», но и «должность», а также «битва», «сражение» (т.е. ратное дело, воинский труд). Слово потеха, кроме известных в наши дни значений «забава» или «увеселение», значило прежде и «зрелище» (потеха театральная или балаганная). А еще слово потеха означало «конные бега», «скачки», «охота» (зимняя потеха на зайцев). Наконец, слова время и час обозначали в старину «отрезок времени, некоторый срок». Причем время было общим по смыслу (в наше время, в старые времена), времени (сейчас, т.е. очень быстро, моментально). Вот теперь, наверное, будет понятнее смысл, который первоначально был заложен в слова «делу время, а потехе час», об употреблении этого выражения сохранились исторические свидетельства. Так, в 1656 году по приказу русского царя Алексея Михайловича был составлен сборник свода правил соколиной охоты – излюбленной «потехи» того времени (в особенности у царя и придворных). В конце предисловия к этому сборнику царь сделал собственноручную приписку, которая кончалась словами: «Не забывайте: делу время и потехе час». Алексей Михайлович, прозванный «Тишайшим», настолько был увлечен соколиной охотой, что постепенно эта «потеха» стала его страстью, но осознавая свою ответственность за вверенное ему Отечество, царь был смущен тем, что отрывался от важных государственных дел, не уделяя им нужного времени, и предавался забаве (охоте, развлечению). Поэтому он и посчитал нужным прибавить к сборнику данное наставление. А с его легкой руки оно и перешло в поговорку русской речи.

Вот ведь, казалось бы, всего несколько метких выражений – а сколько ярких картинок, эпизодов из нашей истории возникает перед глазами.

Иногда просто название дня, отмеченного каким-то

запоминающимся событием, остается в народной речи острым словом. Недавно пришлось мне слышать, как декан распекал вконец загулявшего студента: «У тебя что ни неделя, то Татьянин день!..» И я восхитилась корректной и образной точностью, с которой была дана оценка поведения студента. Ведь если знаешь, что это за Татьянин день и чем он отличался – лучше не скажешь.

История этого праздничного дня московского студенчества подробно описана русскими писателями. «Вся Москва знала, что 12 января старого стиля, в так называемый «Татьянин день» (святой Татьяны – покровительницы студентов) – день основания первого русского университета в Москве – будет шумный праздник университетской молодежи, пожилых и старых университетских деятелей, уважаемых профессоров и бывших питомцев московской «альма-матер» – врачей, адвокатов и прочей интеллигенции, – читаем у Н. Телешова. – Этот день ежегодно начинался торжественной обедней в университетской церкви. Много лет праздник этот справлялся по заведенному порядку: сначала обедня, потом молебен, потом в актовом зале традиционная речь ректора или одного из почтеннейших профессоров... А затем... Затем толпы молодежи шли «завтракать» в ресторан «Эрмитаж», где к этому завтраку ресторан приготавливался заблаговременно: со столов снимали скатерти, из залов убирались вазы, растения в горшках и все быющее и необходимое. Здесь до вечерних часов длился этот «завтрак» – чем позже, тем шумней и восторженней...»

А Чехов в одном из своих фельетонов писал про Татьянин день, отмечавший 130-ю годовщину Московского университета: «В этом году выпито все, кроме Москвы-реки, и то благодаря тому, что она замерзла... Пианино и рояли трещали, оркестры, не умолкая, жарили «Gaudeamus», горла надрывались и хрипели... Тройки и лихачи всю ночь летали от Москвы к Яру, от Яра в Стрельну... Было так весело, что один студент от избытка чувств выкупался в резервуаре, где плавают стерляди...»

Все это не выдумка, а действительно так и бывало обычно в Татьянин день. Вернее, не в день – а в ночь Татьянина дня. А под утро швейцары Стрельны и Яра нередко писали мелом на спинах студентов адреса, чтобы ямщики и «уцелевшие» друзья могли доставить не приходящего в чувство к дверям родительского дома.

Самобытным, «самородным богатством» русского языка назвал когда-то Виссарион Белинский крылатые выражения нашей родной речи. Он отмечал, что именно в них, емких, красочных, своеобразных, видится «народная физиономия языка». И действительно, вслушаешься, взглядишься в эту богатейшую россыпь русского говора – и услышишь неповторимый голос России, увидишь ее лицо и ощутишь ее «особенную статью», в которой столько красоты и поэзии.

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

СВЕТЛОЕ ИМЯ

Он шел к помосту спокойный и сосредоточенный, не глядя в темноту парижского Паласа де Шайо, – не то театра, не то спортивного зала. В те мгновения весь мир для него сузился, оставив наедине со стальным снарядом, с одной единственной мыслью: «Вес должен быть наверху!»

Владимир Светилко помнил слова друга, Георгия Попова: «Ну что, Кириллыч, дадим бой союзничку?» Попов – заслуженный мастер спорта, некоронованный чемпион мира довоенной поры, из его же, Светилко, поколения, за которым страшная война, голод, холод, тяжелые ранения и даже концлагерь. В Париже Попов выступал в легком весе, и главный их соперник на помосте Стэнли Станчик, американец польского происхождения, из команды тренера и мецената Боба Гоффмана, которая для многих была темной лошадкой, до выхода на сцену. Куда выше расценивались шансы ниспровергателей мировых рекордов египтян и первого из них – Кадара эль-Туни, олимпийского чемпиона в Берлине 1936 года, которого на родине встречали артиллерийским салютом.

Американцы, как и египтяне, прибыли в Париж неделей раньше и вели себя как дома, успели войти в лучшую спортивную форму и не скрывали своих планов выиграть все золото мира. А перелет наших от Москвы до Парижа занял двенадцать часов, потеряны дни из-за волокиты с визами, а потом нервотрепка, часы ожидания и сомнения в отеле: примут ли их страну в Международную федерацию тяжелой атлетики? В три часа руководители сборной отправились на заседание конгресса. Наконец, в половине седьмого вечера звонок: «Мы приняты, танцуйте, ребята...» Как выяснилось, решающим оказался голос египтянина Саида Носсеира, чемпиона Олимпиады в Амстердаме 1928 года, который в послевоенном Париже выступал в составе судейского корпуса и, в частности, судил выход Григория Новака.

Нашу дружину кое-кто из официальных лиц на конгрессе обвинил в профессионализме и «красной пропаганде». Таинственную команду из России, как писали французские газеты, состоящую из грузчиков и бурлаков, которые на себе таскают мешки и переносят пианино. И как бы подводя черту под заочным спором штангистов, приходили к заключению: «Советский килограмм равен семистам французским граммам».

Благожелательнее высказался мэр Парижа на приеме, данном в честь открытия чемпионата мира:

«Мы жаждали! Вы действуете в духе вашей победоносной армии: советский десант высадился, когда его уже почти не ждали».

Через полчаса после завершения работы конгресса все десять «десантников» стояли на огромной сцене дворца Шайо – в красной спортивной форме с гербом Советского Союза на груди. Против них, в самом деле, немало факторов – незнание сил противника, непривычная организация соревнований, новая сигнализация, а главное – позади каждого война, которая выкосила немало чемпионов. Предстояло растопить лед настороженности, и лучше всех сумел это сделать Григорий Новак, которого действительно белоручкой не назовешь. Сын извозчика из села Чернобыль, что неподалеку от Киева (печальную извест-

Владимир Светилко

ность он приобрел после страшной аварии на АЭС), Новак работал грабелем – возил многопудовые тачки с песком, щебнем, цементом на стройках Белоруссии, Кавказа, Сибири, накапливая богатырскую силу и готовя себя к схваткам с металлом, которые на берегах Сены принесли ему титул первого советского чемпиона мира. Под стать ему сражались товарищи.

... Светилко легко поднял штангу: принимай, Париж, подарок «бурлака». Долго держал тяжелый вес над головой, не замечая, как судья второй раз давал команду опустить. И только когда покоренный им зал зааплодировал, позволил себе отдых. Он выжал сто

Участники учебно-тренировочного сбора команды СССР к первенству мира-50.

Слева направо: первый ряд – Р. Чимишкян, П. Гумашян, Свиридов, К. Назаров, Непомнящий, Р. Роман; второй ряд – М. Кемель, Холин, В. Пушкарев, Баратов, Х. Ханукашвили, В. Светилко, Мазуренко, Е. Лопатин, И. Удодов, А. Медведев, А. Воробьев; третий ряд – Я. Куценко, Г. Новак, Н. Лапутин (г. Дзинтари, Латвия)

килограммов, а во втором подходе прибавил еще пять. Большого не смог сделать американец Станчик, которому лучше удалось рывок и толчок.

На пьедестале победителей Светилко стоял на второй ступеньке, на третьей – Георгий Попов, для ветерана парижский выход в свет оказался лебединой песней.

Дебют Светилко, ставшего чемпионом Европы, расценили как блестящий. «На вес золота была серебряная медаль Владимира Светилко», – вспоминал Новак. Из Парижа Григорий уезжал в ранге рекордсмена мира в троеборье для атлетов полутяжелого веса, как и его товарищи – тяжеловесы киевлянин Яков Куценко (в толчке) и ереванец Серго Амбарцумян (в рывке левой), доказав, как вынуждены были признать газеты, что «русский килограмм весит ровно тысячу французских граммов». Светилко вернулся в Тбилиси, в маленький тяжелоатлетический динамовский зал на улице Бесики, 4 – в знаменитый «Павлес дарбази», из которого, кроме него, вышли в чемпионы и другие воспитанники Павла Александровича Гумашяна, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР. По словам Светилко, любимейшего для него человека и тренера; этот мудрый человек не позволял ему расслабляться и постоянно держал в форме. Дядя Павлик, каким он оставался даже для учеников-фронтовиков, сам изувеченный войной (в бою под Харьковом в 1943-м был тяжело

ранен, пуля перебила сустав левой руки), он продлил свое спортивное долголетие чемпиона и рекордсмена предвоенных лет, соревнуясь одной рукой, установил рекорды Грузии в толчке правой; остался в спорте, продолжаясь в своих учениках.

Слабым духом и телом вход к дяде Павлику был заказан. Заглянул сюда земмельский паренек Рафик Чимишкян и, зачарованный, замер на пороге, видя как играючи справляются с большим весом эти крепыши, слушая грохот сбрасываемой на единственный помост штанги, лязг ее стальных блинов. «Я, семнадцатилетний, смотрел на них с восторгом, как на чудобогатырей, – рассказывает мне олимпийский чемпион Хельсинки-52, – не зная, что через четыре года вместе со Светилко отправлюсь в Париж, на чемпионат мира. Владимир Кириллович на Хельсинкской олимпиаде был дублером Евгения Лопатина. Травма плеча не позволила ему сразиться с Томми Коно, но он остался для нас непререкаемым авторитетом, единодушно избранный старостой сборной. Неизменно подтянутый, дисциплинированный, всегда аккуратно одетый, в военной форме, с начищенными до блеска боевыми орденами и медалями, со спортивным чемоданчиком в руках... Мы, молодые, ловили каждое слово старших, терпеливо ждали, когда освободится помост».

На чемпионате мира-50 в Париже в легчайшем весе заявили не ростовчанина Ивана Удодова, а его,

Рафаэла Чимишкяна, полулегковеса. На совещании у председателя Всесоюзного комитета по физической культуре и спорта Николая Романова, при обсуждении кандидатуры Удодова, ребенком оказавшегося в войну на оккупированной территории, все промолчали, а Рафаэлу предложили сбросить семь килограммов. Мало-мальски знакомому со спортом понятно, как это трудно даже для тяжеловесов, а тут ни одного лишнего грамма... Но Чимишкян согласился. За двое суток до выхода на мировой помост отправился в парную, пробыл там несколько часов, но вес до требуемого не согнал. Наутро он все еще весил на полтора килограмма больше нужного. Тренеры отправляют штангиста в преисподнюю жаркой парной... За несколько минут до взвешивания Рафаэла под руки привели в судейскую команду. Стрелка весов закачалась и показала норму!

Вот каких бойцов неукротимого духа ковали в динамовском зале на Бесики. К тому же противостоял ему знаменитый иранец Махмуд Намдью. Как вспоминал Аркадий Воробьев, «чистым золотом отливала в наших глазах серебряная медаль Рафаэла». Он был вторым, но мировой рекорд в рывке установил.

Владимир Светилко ко второму для себя чемпионату мира подошел в идеальной форме, имея личный рекорд в троеборье 360 кг. Но уже в Париже травмировался, по недосмотру врачей заболел воспалением легких, но на помосте его все же увидели. Он стал на этот раз бронзовым призером. Увлечен единоборством с обладателем большой серебряной медали Лондонской олимпиады-48 Аттис Хамидой из Египта. Оба упустили рывок в чемпионы американца Джорджа Питмэна, который в сумме троеборья набрал 352,5 кг.

В Париже Владимир Кириллович во второй раз стал чемпионом Европы. А также в командном зачете, как и вся наша сборная – Рафаэл Чимишкян, Евгений Лопатин, Владимир Пушкарев, Аркадий Воробьев, Яков Куценко.

Любопытно, что Светилко впервые выиграл первенство Европы, не будучи чемпионом страны. Через два года, в сорок восьмом, ликвидировал этот провал. Всего же четырежды удостоивался золотой медали чемпиона СССР по штанге. Впервые им стал в далеком тридцать восьмом, соревнуясь в многоборье ГТО. «Ну и диапазон у Светилко, – шутили друзья, – не знаешь, где его искать: то ли в десятке пловцов, то ли в пятерке штангистов». К тому времени Владимир был разносторонним спортсменом, мастером спорта по плаванию, стрельбе и гимнастике. Его, родившегося в Батуми, плавать и нырять научил отец, матрос Кирилл Светилко, – и учил по-флотски: плавать там, где глубоко. И еще побеждать там, где трудно. Этот отцовский наказ он пронес через всю жизнь. В сороковом впервые выполнил мастерскую норму в тяжелой атлетике, вошел в десятку сильнейших штангистов страны, но война заставила надолго забыть о рекордах в железной игре, этом спорте настоящих мужчин. Добровольцем записался в отряд торпедных катеров. Не единожды участвовал в высадке десантов. Боевой путь лейтенанта Светилко прошел через Керчь, Новороссийск, Одессу, Констанцу, Бургас.

Вот один, на первый взгляд, рядовой фронтовой случай лета сорок третьего.

...Проведя инструктаж, командир с официального,

Пограничник Володя Светилко. Батуми. 1938г.

лаконичного языка перешел на «домашний» тон, вспоминал Светилко, а это означало, что задача поставлена важная. Командир: «Справишься? Пойми, задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Торпедные катера должны сковать крупные силы противника, и от того как скоро вы будете действовать, зависит успех крупной операции... Ну, вперед, сынок!» И он обнял Владимира по-отечески на прощание.

Всю ночь в боксах кипела работа. Водители, хотя им полагалось отдыхать перед рейсом, не отходили от машин. Утром заправленные «под пробку» бензовозы развернулись в походную колонну. Светилко еще раз проинструктировал воинов и только после этого дал команду «по машинам». Головная плавно взяла с места, за ней ушли в путь еще одиннадцать тяжелых бензовозов. Тень от увязавшегося за колонной «мессера» первым заметил водитель головной машины. «Выследил, гад, – проговорил сквозь зубы водитель. – Теперь жди гостей – бомбардировщиков». Пилот самолета-разведчика не отказал себе в удовольствии полоснуть очередь, другой по беззащитным машинам. Пули застучали по дороге, подымая столбики пыли. На их счастье, дорога дальше шла через горный участок, и немец не имел возможности спикировать над колонной и вести прицельный огонь. Но было очевидно – разведчик сообщил на базу район продвижения колонны, и самое страшное их ждало впереди – бомбардировщики.

Колонна подошла к цели. Маленькая бухта «фальшивого Геленджика», место их встречи с торпедными катерами. Понтонный мост уходил в море на несколько десятков метров. Задача колонны – подогнать машину к подошедшему катеру и за считанные минуты заправить его топливом. Укрыв бензовозы в лесу, Светилко дал сигнал о начале операции торпедным катерам, рассредоточенным в открытом море вблизи бухты. И вот пошел к пирсу первый катер. Водитель бензовоза бросил шланг на борт катера и начал подавать топливо. Уже были заправлены несколько катеров, когда послышался гул тяжелых бомбардировщиков. Заговорила наша береговая зенитная артиллерия. Свист летящих бомб, грохот взрывов, приглушенных морскими волнами, рев двигателей сливались в кошмарный ад, но операция продолжалась. Единственный осколок мог поднять в воздух бензовоз, а с ним и катер с торпедами на борту. Вот и действовали краснофлотцы на волосок от смерти. Очередная

последних сил держался на плаву...

Свой первый боевой орден Красной Звезды Владимир Кириллович получил в керченском аду.

Вышел из военного лихолетья с незаживающей раной в душе, после того, как в сорок четвертом во дворе севастопольского дома погиб от взрыва мины его пятилетний сын Борька вместе с двумя соседскими ребятами. Эта трагедия во многом определила биографию подполковника пограничных войск, который до 1960 года не снимал военную форму, считая своим долгом защиту границы, охрану ее тишины.

Поженились они с Валентиной Гурской, красавицей гимнасткой из Кутаиси, в 1938-м и жили дружно и счастливо, когда бы не война...

В пятьдесят восьмом тревожный случай заставил поднять заставу в ружье и забыть спортивные подвиги Владимира Светилко. Двенадцать суток продолжался поиск по обнаружению и задержанию двух агентов иностранных разведок. «Зеленые фуражки» двигались

Григорий Новак

машина, объезжая воронки, въехала на понтон. И вновь налетели воздушные разбойники, в очередной раз отсекали их наши зенитчики. Бомбы упали в море и разорвались совсем рядом. Взрывной волной опрокинуло бензовоз. Секундное замешательство, но к машине бросился боец, схватил шланг, из которого хлестало топливо, перекрыл кран и передал конец на катер, сам прыгнул на помощь товарищу, который из

В. Светилко в Париже. 1950 г.

по сильно пересеченной местности, днем и ночью, но никто не жаловался на усталость и голод, на изнурительную жару. Начальник заставы Светилко возглавил одну из поисковых групп и первым шагнул к матерому врагу...

В 1960 году подполковник в отставке ушел на пенсию, еще двумя годами раньше закончил выступать на тяжелоатлетическом помосте, но остался в спорте, передавая молодежи свой огромный опыт и обучая умению побеждать. Сложив с себя полномочия начальника физподготовки и спорта Краснознаменного Закавказского пограничного округа, был директором Республиканской школы совершенствования мастерства тяжелой атлетики и фехтования. С 1980 года Светилко – главный тренер Спорткомитета Грузии по тяжелой атлетике...

Одиннадцать лет назад ушел из жизни Владимир Кириллович Светилко – заслуженный мастер спорта, экс-рекордсмен мира, судья международной и всесоюзной категорий, заслуженный деятель физкультуры и спорта Грузии, бессменный ее чемпион и рекордсмен.

Свет жизни этого сильного и красивого человека еще долго будет светить людям.

АРСЕН ЕРЕМЯН

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

4 июня, понедельник

Встреча гостей фестиваля в аэропорту г. Тбилиси.
Пресс-конференция в Тбилисском международном пресс-центре РИА "Новости".
Отправление в г. Батуми.

5 июня, вторник

Прибытие в Батуми.
Экскурсия по г. Батуми.
Спектакль Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова «Желтый ангел» в помещении Батумского государственного драматического театра им. И. Чавчавадзе.

6 июня, среда

Торжественное открытие Международного русско-грузинского поэтического фестиваля на Приморском бульваре.
Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина.
Прогулка по акватории Батумского порта.
Встреча с общественностью г. Батуми в помещении Батумского государственного драматического театра им. И. Чавчавадзе.

7 июня, четверг

Посещение Верхней Аджарии.
Встреча с писателями Аджарии.
Семинар «Проблемы поэтического перевода и перспективы сотрудничества».

8 июня, пятница

Посещение крепости Гонио.
Фольклорный концерт.

Отъезд в Тбилиси.

9 июня, суббота

Прибытие в Тбилиси.

Экскурсия по г. Тбилиси.

Посещение Пантеона писателей и общественных деятелей Грузии на Мтацминда.

Экскурсия в древнюю столицу Грузии г. Мцхета.

Встреча с общественностью г.Тбилиси в помещении Театра царского подворья.

10 июня, воскресенье

Поездка в Кахетию.

Посещение Дома-музея А. Чавчавадзе в с. Цинандали.

Посещение вино-коньячного завода «АЛАВЕРДИ» в с. Чумлаки Гурджаанского района.

Прием в г. Гурджаани.

11 июня, понедельник

Аудиенция у Католикоса-Патриарха всея Грузии, архиепископа Мцхетского и

Тбилисского, Святейшего и Блаженнейшего Илии II.

Встреча со студентами Тбилисского государственного университета им.

Ив. Джавахишвили.

Посещение Дома-музея художницы Елены Ахвледиани.

12 июня, вторник

Круглый стол: «Роль русского языка в современном литературном пространстве» в

Малом зале Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова.

Прием в Посольстве Российской Федерации, приуроченный к Дню России.

13 июня, среда

Отъезд.

«И НЕБО УСЛЫШАЛО МОЕ МОЛЕНИЕ»

Николай Тихонов в Грузии

Первый раз поэт приехал на Кавказ в 1923 году. Ему шел двадцать седьмой год. Позади была Первая мировая война, на полях которой молодой гусар участвовал в кавалерийских атаках. «Замелькали лошадиные спины, винтовки и казармы, - писал Тихонов в автобиографии 1922 года. - Исколесил всю Прибалтику. Сейчас у меня шпора с убитого немецкого улана лежит. Ржавая шпора, геройская. Летал с лошади три раза. Контужен раз, вместе с кобылой Крошкой». Начиналась гражданская война, и он защищал Петроград от Юденича. В пухлый грессбух, в сумку, притороченную к седлу, ложились стихи: «Как легко на заре освеженное тело/ Отдохнувшая лошадь несет,/ Простодушная кожа ноги одела,/ И согрела мне водка рот./ Спичек два коробка,/ Мыло, кусок леденца./ А вечером сверх пайка/ Шесть золотников свинца».

В 1921 году вернулся в родной Петроград. Своего дома не было, пошел в Дом искусств (ДИСК) на углу Невского и набережной Мойки, да так там и остался. Познакомился с начинающими писателями, жившими здесь коммуной. Друзьями стали бывший штабс-капитан, кавалер георгиевского креста Михаил Зощенко, бывший командир боевых кораблей Сергей Колбасев, такие же, как он, вчерашние солдаты Михаил

Слонимский, Николай Никитин, Всеволод Рождественский.

Поселился в комнате поэта Всеволода Рождественского, помещение называли «обезьянником», там раньше жили слуги купца Елисеева, которому принадлежал дом. Обстановка аскетичная – две железные кровати, печка-буржуйка, один стол, одна чернильница... Здесь рождались стихи, кипели споры о будущем русской поэзии, сюда приходили гости. Занимали стулья, кровати, сидели на полу и слушали новое, только что написанное. Тихонову едва исполнилось 25. Портрет молодого поэта остался в воспоминаниях Всеволода Рождественского: «Он сразу понравился мне сдержанностью жеста, неторопливой уверенностью движений. Лицо его, сохранившее следы кирпичного загара, с впалыми щеками, с квадратным упрямым подбородком, в первую минуту не показалось мне молодым, хотя мы и были сверстниками. Голубоватые глаза под белесыми бровями смотрели остро и уверенно. По тому, как он ловко скинул шинель, вынул потрепанный кисет и свернул самокрутку, видно было человека, привыкшего к кочевьям и умеющего всюду чувствовать себя дома».

Взорванное время, совпавшее с его молодостью,

перенасыщено надеждой на признание, на поиск единомышленников в жизни и литературе. Вскоре он стал членом литературного объединения «Серапионовы братья». У всех братьев были оригинальные прозвища. Тихонов получил «Последнего Серапиона». Мог ли он знать, что в 1946 году, после доклада Жданова и постановления ЦК партии «О журналах «Звезда» и «Ленинград»», в которых подверглись жесточайшим обвинениям Зощенко и Ахматова и неожиданно «Серапионы», он будет смещен с поста секретаря Союза писателей?

А пока жизнь в ДИСке шла своим чередом. Сосед по коридору Александр Грин писал на оборотах финансовых документов, в изобилии покрывавших пол в помещении разоренного банка, свой знаменитый рассказ «Крысолов» и повесть «Алые паруса». Об этой подробности Тихонов рассказал мне зимой 1952 года, когда я, студентка университета, пришла к нему в Дом на набережной, чтобы из уст «Серапиона» услышать настоящую историю братства.

В ДИСке устраивали поэтические вечера. Приходил Николай Гумилев – он сразу пленился энергичным стихом Тихонова и подарил ему свой сборник «Шатер» с надписью «Отличному поэту Николаю Семеновичу Тихонову. Гумилев». Поэт его хранил, а когда в августе 1921 года Гумилева расстреляли по доносу, написал памяти его стихотворение «Серый лось зажег рог...», кончавшееся строчками «А в

хов – «Орда» и «Брага». «Орду» издал на свои средства – две пары белья и два седла. В книгу вошло 30 стихотворений из 500 написанных.

Его стихи можно было бы посчитать романтическими, но они были рождены XX веком, его «неслыханными переменами, невиданными мятежами» (А.Блок). Герои вернулись с войны, мужественные, сильные – «гвозди бы делать из этих людей» – они хотят жить свободно, они чувствуют в себе силы, их характеры жестки и мужественны, и лавочное счастье не для них. Самое знаменитое и хрестоматийное с эпиграфом из Баратынского «Когда возникнул мир цветущий/Из равновесья диких сил...»

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жадью творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Осветить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, –
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

Тихонова успех ждал сразу. Пастернак, Цветаева, Маяковский и «братья-серапионы» Зощенко, Федин, Вс. Иванов стали его почитателями, как и тысячи читателей. Не случайно в 20-х гг. огромной популярностью пользовались строки из стихотворения «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» Багрицкого: «Справа – наган,/ да слева шашка,/ Цейс посередке,/ сверху – фуражка.../ А в походной сумке – спички и табак,/ Тихонов,/ Сельвинский,/ Пастернак...»

Но шел 1923 год. НЭП вступал в свои права. Партийный руководитель Петрограда Зиновьев закрыл Дом искусств. Писатели разбрелись по своим квартирам и новым пристанищам. «Серапионы» еще отмечали годовщины своего братства, но оно уже распадалось на новые группы, отдельные судьбы. Тихонову, вернее, его лирическому герою предстояло войти в новую жизненную ситуацию, где нет героев, а «слово взято на учет». Ему чужд нэповский оседлый быт, ближе «жизнь под звездами», естественная и природная. Тревога диктует строки: «Быть спокойной и терпеливой/ Душу приучить не могу/ – В каждом шаге ищет отрыва,/ В каждом друге – рада врагу». И концовка стихотворения: «Пускай я буду послушным,/ Если небо, как воск в огне,/ Но в

Николай Тихонов и Георгий Леонидзе

Хараре живет леопард/ С Гумилевской пулей в боку». Восемьдесят пять лет пролежало оно в «могиле стола» и только недавно опубликовано.

В 1922 году у Тихонова вышли два сборника сти-

звериной шкуре мне душно,/ В человеческой холодно мне».

Как пришло решение уехать на Кавказ, мы не знаем. Но помним тихоновскую строку: «Дай руку, сказала мне ночью гора, - с тобой куда хочешь пойду!» Спутницей первого путешествия в 1923 году стала его жена, Мария Константиновна. Тихонов не называл себя альпинистом, хотя в сущности им был. Он поднимался в самые отдаленные районы гор, пробирался по тропам, а иногда и верхом, в высокогорные селения и аулы. Проходил ледяные и снежные перевалы, спал

Николай Тихонов 40-е годы

на горных лугах, жил с горцами в их домах. Он приезжал в Грузию каждый год, и только война прервала путешествия. Через восемь лет он снова вернулся в Грузию и бывал здесь до поздних лет своей жизни. Тихонов поражал грузинских друзей знанием географии страны, ее городов, сел, дорог, перевалов и даже тропок. Георгий Цицишвили вспоминал: «Будь то Сванетия или Рача-Лечхуми, Тушетия, Пшавия или Хевсуретия, Хеви или Мтиулет, Карталиния, Кахетия или Имеретия...»

Сванетии Тихонов посвящал стихи и путевую прозу – «Я проходил к Сванетии через ледники и горные дебри, чтобы снова и снова наполнить все существо видением удивительного, цельного и многообразного мира». «Ночлеги в башнях, ужин скромный/ На этой царственной земле,/ Я спал под сводом полутемным/ И снов не видел веселей».

В одном из очерков Тихонов вспомнил современную легенду об этом крае: «Говорят, один иностранец, которого спросили сваны, как он расскажет о Сванетии, когда вернется на родину, засмеялся и ответил: «Могу я сказать немного в сказочном стиле? Позволяете? Так вот. Вообразите, что Бог однажды созвал лучших поэтов, архитекторов, строителей, ученых, мастеров всех искусств и сказал: «Я – Бог и обладаю огромным запасом самых разнообразных материалов. Я имею камень, воду, небо, лес, водопады, снег, вершины, и я хочу, чтобы вы из всего этого материала создали на небольшом пространстве что-то исключительное и прекрасное. Они пошли и создали Сванетию»».

В 1935 году Тихонов публикует сборник «Стихи о Кахетии». Поэт писал по горячим следам своих пу-

тешествий. Назову лишь места, которые он посетил – лесные горы Гомбори, село Джугаани, бывшее имение поэта Александра Чавчавадзе Цинандали, Алаверди в Алазанской долине, Телави, Кизикию и селение Ушгули. В стихотворении «Гомбори», посвященном супруге поэта Марии Шаншиашвили, он признавался: «Я не изгнанник, не влекомый/ Чужую радость перенести,/ Мне в этом крае все знакомо,/ Как будто я родился здесь».

Читателей поразило стихотворение «Цинандали», оно сразу стало знаменитым. Поразило лирическим откровением, глубокой значительностью встречи поэта с грузинской женщиной, недосказанностью и в то же время драматизмом переживания: «Я прошел над Алазанью,/ Над причудливой водой,/ Над седою, как сказанье,/ И, как песня, молодой./ Но сквозь буйные дороги,/ Сквозь ночную тишину,/ Я на дне стаканов многих/ Видел женщину одну./ Я входил в лесов раздолье/ И в красоты нежных скал,/ Но раздумья крупной солью/ Я веселье посыпал./ Потому что веселиться/ Мог и сорванный листок,/ Потому что поселиться/ В этом крае я не мог...»

Раньше Тихонов категорически не принимал мещанского скаредного быта. В стихотворении «Ночной праздник Алаверды» его герой, а сюжет разворачивается от первого лица, то есть от самого автора, погружается без остатка в почти языческую кавказскую традицию и чувствует себя счастливым. «И упал я в этот бубен, что, владея, выплыв,/ Я забыл другие ночи, мысли дымные клубя./ И руками рвал я мясо, пил из рога, пел я хрипло,/ Сел я рядом с тамадою, непохожий на себя».

В 1934 году в дни Первого съезда писателей СССР в Москве впервые был устроен вечер грузинской поэзии, и стихи в русском переводе читали Николай Тихонов и Борис Пастернак. С этого времени начинается интенсивная переводческая работа. Тихонов перевел на русский язык более 2000 строк грузинской лирики. Среди поэтов Григол Абашидзе, Карло Каладзе, Георгий Леонидзе, Иосиф Нонешвили, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Галактион Табидзе, Сандро Шаншиашвили, Валериан Гаприндашвили, Александр Кутатели, Ражден Гветадзе, Егор Казаликашвили, Николай Мицишвили, Ило Мосашвили и др. С некоторыми из них поэта связывали личные отношения. Остановимся на именах Паоло Яшвили и Тициана Табидзе. Провидческим слышится перевод стихотворения Яшвили «С вершин» (Мцвервалебидан): «Часам каким пробить мне срок смертельный –/ Такая грудь покорству не подвластна./ В труде и в буре и в бою последнем/ Повсюду жизнь заставьте быть прекрасной./ Зеленый лист, крик птицы, всплеск воды./ Ресницы женщин – пустяки, не правда ль?/ Когда, надежной радостью горды,/ Давно им стать вратами вечной славы».

Каждый свой приезд в Тбилиси Тихонов бывал в доме Табидзе. «Тициан, - вспоминала жена поэта, Нина Макашвили, - очень любил Николая Семеновича, уважал и ценил как поэта и человека. Коля Тихонов отвечал ему тем же». «Приезжая в Тбилиси, Николай Семенович любил бывать у своих друзей, которые встречали его с распростертыми объятиями... Каждому, кто с ним впервые знакомился, надолго запоминались его маленькие, синие-синие, напоминаю-

щие финские озера, глаза, очень живые и веселые».

В переводах стихов Табидзе Тихонову удается главное – передать глубокое духовное содержание его поэзии. «Не дивись этим почкам разбухшим,/ Встал хребет надо мной, за титаном титан,/ Весь Кавказ – как вулкан непотухший./ Не один раз Тициан Табидзе бывал в России». В 1928 году участвовал в торжествах по поводу столетия со дня рождения Льва Толстого, произнес яркую речь об отношении русского писателя к Кавказу. В 1933 году дважды – в феврале и летом. В 1934-м он выступал на Первом съезде писателей. «Известия» напечатали его стихи «Не я пишу стихи...» и «Иду со стороны черкесской...» в переводе Бориса Пастернака. Поэт готовит антологию грузинской поэзии на русском языке, делает подстрочники для сборника «Грузинские романтики», много печатается в журналах и газетах. Имя его получает широкую известность.

Напряженная ситуация 1937 года после трагического ухода из жизни Паоло Яшвили. Табидзе еще выступил на Пушкинском юбилее в Москве. Николай Тихонов предложил Табидзе прочитать свое стихотворение по-грузински. В марте у Тициана творческий вечер в Москве. Карательная атмосфера вокруг поэта сгущается. Тихонов организует вечер в Ленинграде, называет Табидзе одним из подлинных поэтов, в творчестве которого живет «ощущение очень больших пространств», колоссальная искренность и поэтическая свобода, чувство родины, места, родной природы, редко встречающееся у современных поэтов. Время не стерло имя Табидзе в памяти Николая Тихонова. В 1965 году друзья отметили 70-летие погибшего поэта. Демна Шенгелая сказал: «Семьдесят свечей-келаптари – теплятся на твоём трапезном столе... Жизнь твоя раскрыта перед нами незаконченной книгой, и великая тишина таится в строках твоих. И все же эта небольшая незавершенная книга ведет тебя в бессмертье...» Тихонов откликается глубоко лично и высоко: «Да, его стихи были провиантом души в большой дороге Поэзии. Оригинально-чужак с орпирских берегов обладал громадным поэтическим даром. Слово «чудо» было ближе к нему, чем «чужество». «Чужества» детской поры ушли, а «чудо», жившее в глубине его существа, сделало его лирические стихи полными такой искренности, такой глубины, такой любви к жизни и к людям, что они зазвучали далеко за пределами его родины. В этих жарких, насыщенных духом истинной поэзии строках живет его сердце, открытое мужеству и верности...»

В 1939 году по всей стране шли аресты, в том числе писателей и деятелей искусств. Пятнадцатиминутные заседания «троек» заканчивались расстрельными приговорами. Через них прошли Исаак Бабель, Михаил Кольцов, Всеволод Мейерхольд и многие другие. В том же 1939 правительство наградило орден Ленина группу писателей, среди которых были и «Серапионы», в том числе Николай Тихонов. Награждение означало не только признание его таланта, но, скорее всего, обязывало к полной лояльности. Однако весной 1939 года он пишет своему другу поэту Павлу Антокольскому совершенно о другом настроении. Это частное письмо впервые опубликовано в книге «Н.Тихонов. Из могилы стола», шестьдесят с лишним лет оно оставалось среди неизданных стихов, прозы,

воспоминаний и переписки.

«Летние ветра уже стучат в мою дверь. Я хочу бегать по голой земле, спать у костра, смотреть в небо, переходить реки, видеть «сто битв, сто городов». Я хочу на Алтай, на озера Олонии, в горы Осетии, в пустыни Семиречья, я хочу бежать, как бежит какой-нибудь каменный козел за сто верст полизать соль на камне. Я хочу полизать соль. Вокруг меня все опреснело. Пресные литературные темы, пресные дома, пресные песни. Я Вас спрашиваю, гражданин мечтатель, где соль? Куда Вы подевали соль? Как Вы смели ее припрятать?» Простим автору обвинения, обращенные к такому же «пленнику» времени, каким он мог стать сам. Важнее другое – отчаянный крик поэта, задыхающегося в атмосфере этого проклятого года, когда один за другим уходили в небытие выдающиеся деятели культуры, а сама она превращалась в преискуртант утвержденных к исполнению тем, сюжетов и героев.

Тихонов не уехал на Алтай и в пустыни Семиречья, в поисках «соли» он отправился за «сто верст» - на Кавказ! Лето-осень 1939 года он живет в доме Георгия Леонидзе в Цхнети. «В прохладной пустынности, в глубокой отъединенности вечеров лежал тот пояс тишины, который так нужен для всякого творческого сосредоточения. В их тишине не было ничего особо значительного, но это была тишина, в которой хорошо говорилось о стихах и о природе – перед лицом самой природы. Весь мир оставался где-то внизу, и там, на самом дне полыхали угли золотого костра. Это переливались огни вечернего Тбилиси», - писал Тихонов. Впечатления и события этих дней легли в основу стихотворения «Цхнети осенью 1939 года». Но наиболее значительным и художественно совершенным стал рассказ «Цхнетские вечера», опубликованный в журнале «Литературная Грузия» в середине 50-х гг.

Его первые страницы и через десятки лет покояют читателя гармонией жизни, в которую окунался Тихонов-путник. Неповторимые часы заката в горах, звенящая тишина, прогулки с Леонидзе, прохладный воздух, дети на цхнетской поляне... Все располагало к творчеству, и хозяин дома – «рыцарски безупречный, простодушный и искренный до крайности».

Но неожиданно в ткань рассказа входит эпизод необычных поминок на кладбище – друзья почившего берут инструменты, играют без перерыва нежные народные песни и достигают «мощи такого веселья, перенасыщения радостью жизни», что у авторы слезы щиплют глаза и «что-то внутри закипает непонятное и тревожное, мучительно печальное. /.../ В перерывах музыканты пили вино, лили его на могилу... и снова возвращались к музыке».

Вечером Тихонов рассказал об увиденном, завязалась философская беседа, поэт обронил: «А какая туда дорога ведет, тоже никто не знает!» И услышал

от Леонидзе: «Вот, - сказал тот, указывая на небо, - вот дорога на тот свет. Смотри! Это называется в народе «солнцем мертвых» - этот последний луч солнца показывает вход в небесное царство, и души мертвых уходят в эту дверь, в эти синие кольца...» Разговор и остался бы разговором, но жизнь конкретна, и сюжет документального рассказа получает трагическое разрешение. У дома поэты встречают местного почтальона с газетами. «Что там интересного?», - спросил Леонидзе. «Что интересного, война идет, а кому это интересно? Все воюют, бомбят Варшаву, там Париж бомбят, Берлин, что ли, горит, Лондон, я точно не пом-

редакции газеты «На страже Родины» согревался в кавказской бурке.

Восемь лет разлуки, в Грузию Тихонов вернулся только в 1947 году. А уже в следующем году на страницах «Огонька», в трех номерах публикуется новая книга «Грузинская весна», впоследствии, в 1949 году, удостоенная Государственной премии СССР.

В этом цикле стихов привлекают «Стихи о Тбилиси»: «А сколько, Тбилиси, тебя воспевало,/ Стакан осушая до дна./ Прибавь к этим сонмам великих и малых/ Еще одного, старина! А в комнате ночью ко мне на свиданье,/ Все стулья заняв и кровать,/ Сой-

дутся все прошлые воспоминанья/ Тбилисскую ночь коротать». Тихонов посвящает стихи выдающейся альпинистке Александре Джапаридзе, совершившей первое восхождение на Ушбу, одну из самых трудно доступных на Кавказе гор.

В цикле стихов, написанных в 1950-1963 годах и посвященных Грузии, по-прежнему звучат грузинские имена — Илья Чавчавадзе, Симон Чиковани, Важа Пшавела. Поэтические портреты пронизаны чувственными ассоциациями с прошлым грузинской культуры. Тихонов уверенно соединяет современника с гордым именем великого поэта:

«И вот уж стих, как молния, рожден,/ Как птица, он, проснувшись, шумно дышит./ А тот писал: «Месх из Рустави он»/ «Пшав из Чаргали» - здесь поэт напишет».

Влюбленность в Грузию не оставляла Тихонова и в последние годы его жизни. В его душе продолжали жить образы, хранившие преданность на протяжении многих лет.

В 1950 году, возвращаясь с Эльбруса, он услышал на границе снежных завалов

и голых скал, как пишет, «какое-то слабое дребезжание /.../ остановился и прислушался, поднял голову и совсем над собой увидел раскачивающийся большой горный одуванчик. Я смотрел и не мог надивиться на это чудо сопротивления, этой необычайной силе слабого цветка. Вместо того, чтобы замерзнуть, рассыпаться прахом, он стоял, как часовой, и дребезжал на голой скале, железный и не сдавшийся стихиям».

Через двадцать с лишним лет он напишет стихотворение «Цветок у Эльбруса», в котором горный одуванчик становится образом символическим. «Между камнем и снегом под небом высот/ С жизнелюбием непобедимым/ Он встает и живет, цветет и растет/ Своей волей и силой хранимый».

ТАТЬЯНА ЛАНИНА

Александр Твардовский, Георгий Леонидзе, Константин Федин, Николай Тихонов

ню. Все воюют, вот, не верите... все воюют. Берлин или Париж, все горит, бомбы бросают...»

Так началась для Тихонова Вторая мировая война. Больше не было мирных, тихих вечеров Цхнети. Поэт поднялся на гору Давида в Тбилиси, посмотрел на древний город славы и искусства: «Как древний язычник, я вознес моление к небу, чтобы война не коснулась красоты этого города... и небо услышало мое моление».

Уезжал Тихонов из Тбилиси с черенком чинары, который он посадил у Петропавловской крепости, на берегу Невы. Впереди у него были финская кампания 1939 года и девятьсот железных дней и ночей в блокадном Ленинграде. В промерзшей квартире и

ГРУЗИНСКОЕ ВИНО — ЛУЧШЕЕ В МИРЕ!

Вино, как известно, символ Грузии, а Кахетия — колыбель грузинского виноделия. В один из дней проведения Международного русско-грузинского поэтического фестиваля его гости посетят винно-коньячный завод «Алаверди», расположенный в селе Чумлаки Гурджаанского района. О заводе, вине и сюрпризах для гостей фестиваля мы побеседовали с советником «Алаверди» по внешнеэкономической деятельности Зурабом Гогинашвили.

- Что ожидает гостей фестиваля, приехавших на ваш завод?

- Во-первых, хочу отметить, что для нас большая честь принимать участие в фестивале. Я думаю, гости из разных стран смогут удостовериться в качестве грузинского вина, посмотреть, как мы его производим. Мы хотим показать первоклассный завод в Грузии и достойно представить грузинское вино. Специально для фестиваля подготовлены два сорта — белое Цинандали и красное Саперави. Оформлены они празднично, ярко. Количество бутылок очень ограничено, не более ста каждого сорта. Отмечу, что это первый совместный проект с «Русским клубом».

- Расскажите, пожалуйста, о вашем заводе.

- Завод оснащен новейшим оборудованием, которое позволяет производить вино высшего качества, сочетая современные технологии и древние грузинские традиции. Завод большой, он оснащен по новейшей итальянской и немецкой технологии. Мы имеем собственные виноградники, площадью около 200 га. Завод производит как известные марки (до 30-ти), так и собственные бренды — такие, как «Ме да шен», «Санатрели», «Дедопали». Кроме того, мы производим коньяк. Думаю, качество нашего вина красноречиво подтверждают 96 призов, полученных нами за шесть лет на различных международных конкурсах. Из них почти три четверти — золотые медали, остальное — серебро и бронза. Очень приятно, что наше вино получило гран-при на Московском международном конкурсе. «Алаверди» открыт в 2001 году в селе Чумлаки Гурджаанского района. Это период повсеместной разрухи в стране, когда не было тепла и света. Но нам удалось построить завод на пустом месте.

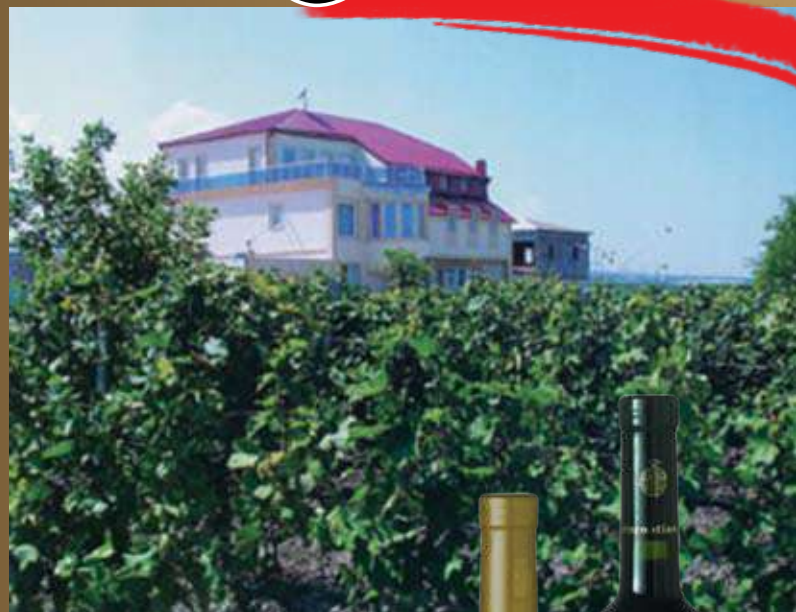
- Вы ведь тоже родом отсюда?

- Да, я родился в Цнори, в Сигнахском районе Кахетии. Здесь же окончил единственную русскую школу, после чего уехал в Москву. Там я поступил в Московский технологический институт пищевой промышленности. С 1973 года живу и работаю в России. В бизнесе с 1991-го, всегда работал по специальности, я инженер-технолог.

- Батоно Зураб, как думаете, вы надолго в Грузии?

- Хороший вопрос (смеется). Вообще, я ничего не могу сказать определенно. Сначала думал, что вернусь в Россию. Теперь чувствую, что приехал надолго. На то есть немало причин. И корни, и дела, и ребенок, который растет. Моему сыну сейчас шесть лет. Хочу, чтобы он вырос здесь, на грузинских традициях.

- Поддерживаете ли связь с российскими друзьями?

- Безусловно. Я прожил в России 34 года, и знаете, за это время у любого нормального человека должны появиться друзья. И немало. Поэтому, друзей в России у меня очень много — от Калининграда до Владивостока и от Петрозаводска до Краснодара. По сей день поддерживаю с ними контакты. Они скучают, очень хотят прилететь. Все любят Грузию и мечтают повидаться, побывать в Кахетии. Друзья у меня самых разных национальностей: русские, евреи, чеченцы, армяне и так далее. В России это не чувствовалось до недавнего времени.

- А сейчас?

- Думаю, да. Сейчас существует отдельная каста «лиц кавказской национальности», «русских», «евреев». Думаю, это неправильно.

- Вы занимаетесь внешнеэкономическими связями, попросту говоря, экспортом. В какие страны поставляется вино вашего завода?

- Сегодня, в связи с введенным со стороны России эмбарго, мы поставляем вино в Америку, Украину, Японию, Германию и другие страны. Мы всегда стараемся доказать, что не все вино в Грузии — подделка. Грузинское вино — лучшее в мире. А был бы рынок — расширились бы. Что же касается российского эмбарго, очень надеюсь, что ситуация изменится. Что дружба двух народов как была, так и останется крепкой, несмотря на существующие проблемы. Когда этот период в отношениях наших стран закончится, на российский рынок вернутся как грузинское вино, так и фрукты, овощи. Россияне ждут возвращения грузинской продукции не меньше, чем мы. Поэтому я хочу, чтобы наше участие в фестивале внесло свою лепту в дело сближения и укрепления дружбы. Если мне удастся что-нибудь сделать в этом направлении, я буду счастливым человеком.

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

ВЗГЛЯД СО СЦЕНЫ

Ч.Джапаридзе. Сухуми

С Чарой Джапаридзе я познакомился в конце пятидесятих годов прошлого века. В те годы нас, студентов консерватории, было сотни две-три, мы все знали друг друга, ежедневно общались, вместе посещали концерты и не было никаких возрастных и курсовых разграничений. Поэтому очаровательная новенькая сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Во-первых, внешность изысканной красивой аристократки (я подчеркиваю – красивой), во-вторых, ее принял к себе в класс Эмиль Гуревич – великолепный музыкант и выдающийся педагог, попасть к нему в класс было не так-то просто и уже это о многом говорило. И, наконец, Чара обворожила меня тем, что прекрасно «подбирала по слуху» (как это тогда называлось) модные мелодии, играла джаз. Мы – «старики» и «молодежь» – собирались в пустом классе и не очень громко – тогда это было под большим запретом – импровизировали.

Я был на несколько курсов старше, окончил консерваторию, естественно, раньше, начал работать, ездить на гастроли. Чара вышла замуж за моего друга детства – тоже пианиста – Джемала Патиашвили, и теперь мы встречались семьями время от времени, в основном, по праздникам или летом – в Сухуми и Боржоми – в доме композиторов. Затем Чара с семьей переехала во Мцхета, и мы собирались все реже и реже, а последние несколько лет почти не общались. И вот, совсем недавно я узнаю случайно, что Чара пишет романсы. Ну, романсы так романсы. В принципе, это уже устоявшаяся форма, со своими традиционными оборотами и канонами, что-то лучше, что-то хуже и так или иначе, все романсы как бы схожи между собой. Но

меня просто поразили Чарины стихи. Это колоссальный, глубокий свой мир, своя философия, свое понятие доброты и любви. Вот так Чара! Я прочел книгу стихов Чары, прослушал запись ее авторского вечера. Стоит назвать участников концерта – это наши любимые и популярные Нукри Капанадзе, Лиза Багратиони, Нино Аразашвили, Эка Мамаладзе, Натела Шарабидзе, Тамрико Бзванели, Темур Татарашвили – уже только по одному составу солистов можно судить об уровне концерта. Я не удержался, позвонил Джемалу и Чаре, поздравил с успехами, попросил рассказать «о времени и о себе» и получил от Чары ответ. Привожу письмо Чары с небольшими сокращениями: «Бebик, дорогой, ты просишь, чтобы я поподробнее рассказала о т.н. веках своего жизненного пути. Спасибо большое за интерес к моей персоне, но, боюсь, я тебя разочарую. Ну что ж, изволь: «Не безделушку, не реликвию,/С которой скоро устаю,/Я создаю себе религию,/Когда стихи я создаю...», неизвестный мне поэт.

Я, Чарита Джапаридзе, родилась в 1939 году в Тбилиси, в семье народного артиста театра им. Руставели, популярного артиста эстрады Степана («Степко», как его называли) Джапаридзе. Дом, в котором я родилась и поныне живу, по проспекту Агмашенебели (Плеханова) 147, где еще живут люди очень мне дорогие, которые помнят мое рождение, оказал формирующее влияние на развитие моей личности...

В этом доме жили и живут необыкновенные люди: маститые инженеры, математики, художники, артисты, скульпторы, певцы, которые своей жизнью и творчеством наполняли его необыкновенной аурой и, естественно, были для нас, молодого поколения, примером для подражания. Что же касается непосредственно атмосферы моего дома: «Актерский мой дом: тишина вдруг взорвется/Весельем и хохотом, дымом угарным,/Застольем и песней сердце напьется,/Вся братия вместе – талант и бездарный//Квартира – театр, продолжение сцены./С картинами ревности, счастья и боли,/На каждое чувство – высокие цены/И нужно играть, как в театре, все роли!».

В такой атмосфере я росла. Отец – интересный, талантливый, увлекающийся человек, который жить не мог без театра, друзей, кутежей. Мама – утонченная, красивая женщина, похожая на Веру Холодную, с которой я, девочкой, обожала гулять по улице, потому что на нас оборачивались, разглядывали.

Брат, старше меня на 12 лет – Джуна Джапаридзе – геолог, альпинист, красавец, романтик, обожающий природу и горы, посвятивший свою жизнь геологической разведке Абхазии, который оставил неизгладимый след и память в истории взаимоотношений грузин и абхазов и похоронен с почестями на сухумской земле. В силу этих обстоятельств Сухуми стал моим вторым родным городом: «Белая Абхазия, в каждом сне я слышу/Голоса, зовущие на твою Мамзышху,/Джомолунгмы выше, источая чары/Стала мне и Джуне твоя Авадхара./Белая Абхазия, словно чайка в море.../Белая Абхазия принесла мне горе./Там мелькнула жизнь моя лучезарным бликом./Боль для всех незримая, ночью рвется криком...»

Вот так – театр, музыка, песня, встречи в нашем доме с известными артистами и, наконец, улица Плеханова, на которой была сосредоточено свыше десятка центров культуры (драмтеатры, кинотеатры, филармония, музучилище, парки) подвели меня к изумитель-

ному зданию музшколы, а позже музучилища на пр. Плеханова, рядом с киностудией (ныне посольства Германии). И, наконец, учеба по классу фортепьяно у замечательного педагога Розы Михайловны Рожок. Тогда же, вместе с классическим репертуаром, началось, несмотря на запреты, увлечение импровизацией, игрой «по слуху», джазом.

На дипломном экзамене, отыграв обязательную программу, я вдруг услышала со стороны комиссии просьбу: «Сыграйте нам, пожалуйста, какой-нибудь блюз» и я после Шостаковича, Бетховена, Рахманинова играю свою импровизацию на тему «Порги и Бесс» Гершвина.

В те же годы увлекаюсь поэзией. В библиотеке училища начинает работать Ляля Свербеева-Абашидзе, которая назубок знает поэзию «серебряного века», символистов. И, таким образом, дома в исполнении папы слышу стихи Важа Пшавела, Ладоса Асатиани, Галактиона Табидзе, а вечерами в салоне тети Ляли мы – друзья ее дочери Сонечки – слушали Северянина, Бальмонта, Белого. В это время я сама начинаю писать строфы, куплеты, письма – бессознательно, на листочках передавая впечатления о природе, событиях, людях; второпях, на каких-то обрывках бумаги, которые потом исчезали, еще не понимая, что это в дальнейшем выльется в нечто большее...

Музыкальное образование продолжается в классе известного педагога, чудесного человека, профессора Эмиля Гуревича. В эти же годы приходит любовь, семейная жизнь, рождение сыновей. Успешно закончив консерваторию в 1963 году, получив диплом солиста-исполнителя и педагога, начинаю вести педагогическую деятельность. Исполнительство приостановлено из-за серьезной травмы руки, которая, однако, не мешала концертмейстерской деятельности.

Но наступают 90-е годы и в мою жизнь, в силу обстоятельств, входит третий город – Мцхета, а с ним – резкое изменение мироощущений, переоценки ценностей, взгляд, устремленный внутрь себя.

«То, что я есть – это продукт одиночества и молчания», – эти слова Мераба Мамардашвили полностью отображают и мое состояние: «Одиночество или одиночество снова?/Этих слов для меня тандем нерушим,/ Только в случае первом – пространство, условия,/Во втором же – мое состояние души...»

Результатом стали два сборника стихов. В 2002 г. Был издан сборник «Сумерки», а в 2003 – «Ностальгия». Крестным поэтическим отцом своим считаю Михаила Квливидзе – известного грузинского поэта, который настоял на их издании. С благодарностью вспоминаю его слова: «Чарочка, я горжусь вами».

Вот так стал город Мцхета моими пенатами. «В древнем городе Мцхета/У подножья горы/Уходящее лето/Вновь мне дарит цветы./И вечерней прохладой/

Снизу манит река,/Ежевичной оградой/Исколосась рука». А еще Мцхета подарила мне сад, который я вырастила своими руками. А рядом – мой верный друг, одинокий рояль: «Я в память свою совсем уж не верю.../Что память? – Похожесть и будничность дней./Тебе, мой рояль, тебе лишь поверю,/Ты жизнь продле- вешь мою без речей».

И начинается новый этап в моей жизни – слияние поэзии и музыки, рождение романса. В мае 2003 года состоялся авторский «Вечер молодежи», в 2005 году – авторский вечер в клубе «Эмигрант», в 2006 году – запись диска с 14-тью новыми романсами в своем исполнении для подготовки к новому концерту, если, конечно, на то будет воля Божья.

Ну вот, дорогой, мой Бебик, я рассказала коротко о

С Мерабом Табукашвили на концерте

С сыном Лашей

своей жизни и думаю, что она еще немного продлится. Как говорят китайские мудрецы, надо умереть в молодом возрасте, но сделать это как можно позже. «Еще я со сцены на всех погляжу,/Еще над собою поворочу,/Еще так много сказать хочу Вам,/Как поздно дала я волю устам...»

Ну, это шутка, а серьезно: «И лишь одним живу я ощущеньем,/Когда ж в ночи наступит волшебная пора,/Закрою я глаза и Божьим провидением/Как хлопья снежные летят ко мне слова».

С любовью, Чара. Мцхета».

И мне хотелось бы с любовью, восхищением и признательностью пожелать Чаре еще долго глядеть на нас со сцены. Я знаю, что на ближайшее будущее – в июне – запланирован вечер романса в доме-музее Елены Ахвледиани, затем еще один авторский концерт в ноябре.

Вот такая она – Чара, Чарита Джапаридзе – пианист, поэт, композитор, философ, садовод, мать и просто очаровательная женщина.

ТЕНГИЗ ДЖАИАНИ

«Я ВСЕГДА ШЛА НАВСТРЕЧУ ТРУДНОСТЯМ»

«Во мне обе культуры, и русская, и грузинская, слиты воедино. Потому болезненно воспринимаю сегодняшние непростые отношения между двумя странами. Какой руке отдать предпочтение – правой или левой? Я не могу разделить Россию и Грузию, они для меня единое целое», - говорит вице-президент Международного культурно-просветительского Союза

«Русский клуб» Алла Беженцева.

- Алла Николаевна, расскажите о своей семье.

- Можно сказать, что у меня русско-грузинские корни. Моему отцу, Николаю Саушеву, было восемь лет, когда он попал в Грузию. Моя бабушка, Мария Саушева-Рачкова, с двумя детьми пришла в Тбилиси чуть ли не пешком с берегов Волги, где свирепствовал голод. С тех пор жизнь семьи связана с этой страной. Мой отец более 30 лет сотрудничал с Ладом Гудиашили. Он иногда шутит, что его работы известны всему миру. На удивленные взгляды папа отвечает: «Картинки Лад, а рамки-то мои». Такая у них была дружба! Здесь же он познакомился с моей мамой, Сусанной Месхишвили. К сожалению, ее уже нет с нами. Мама была родом из известной грузинской семьи. Мой прапрадед, Иван Месхишвили был одним из первых грузинских католических священников. Старая католическая церковь в Сололаках была семейной церковью семьи Месхишвили. Здесь в 13 лет пел в хоре Захарий Палиашвили, который воспитывался в семье Месхишвили.

- Я знаю, что история вашей семьи связана с кинематографом.

- Мой дедушка, Николай Месхишвили работал помощником режиссера на фильмах «Георгий Саакадзе», «Девушка с того берега», «Кето и Котэ», «Запоздалый жених». В последнем в пятилетнем возрасте снялась моя мама, она играла дочь главного героя. Мой дедушка всегда гордился тем, что привел в грузинский кинематограф Медею Джапаридзе. Она была школьницей, когда дедушка пригласил ее на пробы. Ее первой картиной стала «Девушка с того берега». Впоследствии выяснилось, что почти всю жизнь портрет дедушки висел в ее доме.

- Кто вы по образованию?

- Я окончила строительный факультет ГПИ. По специальности инженер-конструктор промышленных и гражданских сооружений. В те годы на строительный был самый большой конкурс в городе – даже больше, чем на медицинский, 20 человек на место. А в потоке из 500 человек было всего семь девочек, настолько это трудная мужская профессия. У меня были замечательные педагоги – Завриев, Артмеладзе, Тевзадзе. В 1975-1976 гг. я писала дипломную работу. Сейчас иногда думаю, зачем мне все это было нужно? Тема диплома – проект 48-этажного здания на Площади героев. Тогда как самым высоким в Союзе было здание СЭВ в Москве. Вручную приходилось делать сумасшедшие расчеты. Не было счетных машин, компьютеров, одна машина типа «Наири» занимала целую комнату, и была далеко не в каждом институте. Причем защищалась я на немецком языке. После окончания института поступила в заочную аспирантуру в Москве, я кандидат технических наук.

- Как начались трудовые будни?

- Я около 15 лет проработала в институте Грузгипрогорстрой. В то время это был культурный мини-центр, которым руководил Георгий Андроникашвили, племянник Наты Вачнадзе. Я, в основном, проектировала здания культурного назначения: театры, дома культуры, рай- и горсоветы. По Грузии у меня много зданий: райцентр в Батуми, гостиницы в Бакуриани, городское правление в Сухуми, в Пицунде. При проектировании Телавского театра, благодаря использо-

ванию сложных конструкций, нам удалось сохранить маленькую церквушку в фойе. За этот проект наша группа из пяти человек получила Госпремию СССР. Больше всего я горжусь правительственным зданием в Ликани, на вид небольшое здание, но очень сложное. Там уникальный камин на два этажа, подземный кинотеатр, гаражи.

- Когда вы начали заниматься культурой?

- Меня всегда тянуло заниматься ею, что-то придумывать, создавать. Я стала организатором многих фестивалей в Тбилиси. Я человек, который всегда шел навстречу трудностям. Отвергала простые пути. Была секретарем комитета комсомола школы, вечно придумывала кружки, мероприятия, программы. Надо сказать, все это очень пригодилось в будущем. После перестройки многие профессии, в том числе и моя, оказались невостребованными. Я не могла с этим смириться и обратилась в РКПО к профессору Игорю Богомолу, стала заниматься культурой и молодежью. Могу с гордостью сказать, что в 1998 году была создана Международная ассоциация молодежи Грузии, которая объединила молодежь Тбилиси, говорящую на русском языке. Когда не было света, отопления, почти ничего не работало, мы с ребятами устраивали бесплатные концерты, брейн-ринги, и даже «Любовь с первого взгляда». Недавно ребята мне сказали: «Спасибо, что вы показали нам другой мир». Меня эти слова очень тронули. Понимаете, эти ребята – поколение, оставшееся без ценностей.

Может быть, в моей молодости были другие ценности – пионерия, комсомол, но они представляли собой нечто, цементирующее отношения. И нам удалось в холодном перестроенном Тбилиси помочь ребятам сохранить тепло в сердцах. Целое поколение выросло за эти десять лет.

- Алла Николаевна, вы ведь руководите несколькими женскими организациями?

- В марте 2002 года была создана Ассоциация «Женщины Многонациональной Грузии». Она объединяет женщин-лидеров, представительниц различных этнических групп, имеющих общие взгляды, интересы, цели. Основные направления деятельности Ассоциации – социальная интеграция женщин этнических общин, их самообразование, укрепление дружбы и сотрудничества между представительницами всех проживающих в Грузии народностей. Ассоциация имеет филиалы в Самцхе-Джавахети, Квемо Картли, Кахети, Шида Картли, Имерети, Абхазии. Моим сопредседателем является Лейла Сулейманова, председатель Союза азербайджанских женщин Грузии. А еще раньше, в 2001 году создан Союз русских женщин Грузии «Ярославна». Дело в том, что в Грузии проживает много одиноких русских женщин. Многие из них нуждаются не столько в материальной помощи, сколько в человеческом тепле, участии и внимании. Члены организации – многие выдающиеся люди, среди них Наталья Бурмистрова, бывшие актрисы ТЮЗа,

художницы, писательницы и т.д. Пользуясь случаем, хочу выразить огромную благодарность «Русскому клубу» за всестороннюю поддержку. Без замечательных благотворительных мероприятий, которые проводит Союз, нам было бы очень сложно.

- Вы написали методическое пособие по грузинскому языку.

- Да, эта книга называется «О, энав чемо!» («О, мой язык!») – методические разработки для преподавателей грузинского языка, построенные на интерактивных методиках, благодаря которым за сравнительно небольшой срок дети начинают говорить на грузинском. Я даже шучу, что должна подать заявку в Книгу рекордов Гиннесса. Я, безусловно, знаю грузинский, но не настолько, чтобы создать методическое пособие по преподаванию грузинского языка. Но мне это удалось, потому что знаю проблему изнутри. Грузинский язык – очень сложный, и главное тут снять комплекс, заставить человека заговорить. В проекте World Vision, финансировавшем нас, я была консультантом по образованию. В рамках его были созданы молодежные центры в Ниноцминда, Ахалцихе и Марнеули. Я лично консультировала восемь преподавателей грузинского языка. Мы решили проводить занятия в свободной манере, путем интерактивного обучения, с использованием ролевых ситуаций призывать учащихся говорить по-грузински. За три месяца нам удалось достигнуть хороших результатов. Наш метод апробирован, он используется в недавно открывшихся правовых центрах в Цалке, Дманиси и Тбилиси.

- Вы обращались с этой методикой и книгой в Министерство образования и науки?

- Да, мы приглашали консультанта из министерства, который одобрил нашу методику. Мы часто встречаемся с заместителем министра госпожой Беллой

С Надеждой Бабкиной

Ципурия. У министерства свои методики, свои учебники. Но мы не ждем, мы активно ведем нашу работу. К примеру, мы уже обучили государственному языку многих. У нас есть целая категория женщин, мы их называем «грузинскими невестками», это женщины-негрузинки, вышедшие замуж за грузин, которые достигли определенных успехов и смогут в дальнейшем помочь своим детям, учащимся грузинских школ.

- *Какими проектами занимается Ассоциация «Женщины Многонациональной Грузии»?*

- В прошлом году Ассоциация выпустила книгу, которая называется «Женщины Грузии: полиэтнический и конфессиональный аспект». Книга профинансирована проектом RIME. Это рассказ 16 женщин о своих национальных общинах. По этой книге был создан фильм. Символично, что он назван «От недоверия к сотрудничеству». Из 25 проектов-участников члены жюри выбрали проекты из Хорватии, Грузии и Абхазии. Незнание традиций, основ религии того или иного народа всегда вызывает предубеждение. Мы попытались рассказать о своих народах, их обычаях, праздниках, культуре, религии. Ведь независимо от этнического происхождения, религии, все женщины Грузии вносят свой вклад в дело мира и согласия. Книга издана на грузинском и русском языках. Основная работа Ассоциации – защита прав женщин-пред-

ставительниц этнических меньшинств.

- *При поддержке Ассоциации было открыто несколько НПО в регионах.*

- При финансовой поддержке ОБСЕ в ноябре прошлого года Ассоциация открыла несколько НПО в Цалкском и Дманисском районах Квемо Картли. Данные регионы были выбраны не случайно, они являются наиболее изолированными и бедными, основные проблемы в них – безработица и миграция населения. В основном, они заселены представителями национальных меньшинств: азербайджанцами и духоборами в Дманиси, армянами и греками в Цалке. Большинство проживающего там населения недостаточно знает государственный язык, либо вообще не говорит по-грузински. Среди поставленных целей и задач можно выделить проведение мероприятий по повышению уровня инициатив в сфере гражданского образования, защите прав человека, вовлечению молодежи в политическую жизнь страны, сотрудничеству с другими организациями, издание бюллетеня на грузинском, русском, армянском и азербайджанском языках, распространяемого в регионе. В правовых центрах, работающих в Тбилиси и в регионах, мы оказываем юридическую помощь представителям нацменьшинств. Проводятся занятия по грузинскому языку. Кроме того, совместно с «Русским клубом»

проводим бизнес-курс русского языка, обучаем работе с компьютером, основам юриспруденции. Сертификаты, получаемые слушателями после окончания курсов, помогают им устроиться на работу.

- *Расскажите, пожалуйста, о работе комиссии по делам женщин Международного Совета российских соотечественников.*

- Недавно меня избрали председателем Комиссии Президиума МСРС по делам женщин. Комиссия юридически функционирует с января, мы разрабатываем ряд проектов. В частности, у нас есть опыт по преподаванию грузинского языка. У меня состоялась встреча с первым заместителем мэра г. Москвы госпожой Людмилой Швецовой, с которой мы обсудили вопрос о преподавании русского языка в дальнем зарубежье по нашей методике. Ведь если в бывшем СССР проблема с русским не стоит так остро, то в дальнем зарубежье интерес к изучению русского языка огромен. У нас есть представители из США, Голландии, Англии и др., они хотят, чтобы их дети изучили русский язык. Поэтому наша инициативная группа, куда входят представительницы из Литвы, Голландии и США, работает над этой методологией. Обучение будет начинаться с детсада. Второе, что мы хотим сделать – провести большую международную конференцию «Мир русской женщины» в Дании. Этим мы хотим показать, что существует мир русской женщины, богатый культурный, духовный мир. Мы хотим заявить там такие темы, как женщина и политика, женщина и культура, женщина и наука, женщина и искусство. В странах-участницах МСРС также будет проводиться конкурс «Мир русской сказки». В прошлом году он проводился в Тбилиси под руководством «Русского клуба». Имея опыт проведения подобных мероприятий, мы предложили всем остальным странам провести такой конкурс. Выставки детских рисунков по всему миру будут проводиться первого июня, в Международный день защиты детей. Лучшие работы, в количестве от пяти до десяти, от каждой страны будут привезены в Москву, где в конце июля пройдет большая выставка. Победители получат подарки. Затем мы хотим устроить международный лагерь для детей. Существует очень хорошая программа, но по ней в лагере отдыхают дети, в основном, из ближнего зарубежья. Мы хотим привезти еще детей также из дальнего зарубежья для того, чтобы они общались со своими сверстниками, знающими русский язык, провести лагерь для молодых-лидеров с правовым аспектом. На сегодня молодежные лагеря проводятся, как правило, в России, в Подмосковье, и финансируются правительством Москвы. В прошлом году проводился спортивный фестиваль. В нем приняли участие ребята из Грузии. Работы, как видите, очень много, потому что координация женской комиссии происходит отсюда, из Тбилиси.

- *Откуда черпаете силы, энергию?*

- Этот вопрос мне задают многие. Особенно, если учитывать, что у меня трое мужчин дома – отец, муж и сын. Но вы знаете, если человек чего-то хочет и с душой ко всему относится, поверьте, и времени и сил хватит, было бы на что их тратить. Если у человека нет желания, и он без энтузиазма берется за дело, ему никогда не будет хватать времени и ничего не получится. А потом, знаете, я всегда к себе притягивала

молодежь, вокруг меня собралась хорошая молодежная команда. Да и семья мне помогает. У нас семья лидеров. Мой сын Александр возглавляет Союз русской молодежи Грузии, Международную ассоциацию молодежи Грузии и Центр правовой помощи «Этно». Иногда бывают даже ситуации, когда я у него чему-то учусь. Мой супруг, Алексей Беженцев, он тоже инженер-конструктор, всегда меня поддерживает.

- *Алла Николаевна, согласитесь, ваша деятельность оценена?*

- Я кавалер Ордена Чести и мне вручили его 8 Марта 2002 года. В течение нескольких лет в Грузии считалось, что 8 Марта – пережиток советского прошлого. В 2002 году решили восстановить этот праздник, ну и были выбраны 30 женщин со всей Грузии для вручения Ордена Чести. Меня пригласили как представительницу русской диаспоры, но больше за мои предыдущие заслуги – за проектирование, за строительную деятельность. Я поблагодарила президента и сказала: «Низкий поклон от всего русского народа

в Грузии», на что Эдуард Шеварднадзе ответил: «И от грузинского народа вам большой поклон». Мне потом говорили, что я заставила президента поклониться (смеется). Если вспоминать о наградах, то не могу не отметить звание «Почетный соотечественник года», присвоенное мне к 50-летию Росзарубежцентра в декабре 2005 года.

- *Как вы сами оцениваете свою работу?*

- Я могу сказать, может быть еще и рано, что я довольна своей жизнью. Довольна тем, что смогла

что-то сделать, создать несколько рабочих мест. В Цалке работают семь человек, в Дманиси – семь, здесь-шесть. В основном молодежь. Я тренер по конфликтологии, лидерству, защите прав человека. Имею международные сертификаты ООН, ОБСЕ, Совета Европы, Института мира и др. Участвую во многих женских комиссиях по активизации женщин и вовлечения их в процессы, происходящие в Грузии. В Цалке, например, после прохождения тренингового курса две женщины стали председателями управы в своих селах. Значит, проект работает.

НИНО ЦИТЛАНДЗЕ

Ладо Гудимашвили и Николай Беженцев

«ГРУЗИЮ
ЛЮБЛЮ
ДАВНО,
ГЛУБОКО И
НЕЖНО»

ЛЕВ ДУРОВ народный артист СССР, режиссер

Вы попросили меня вспомнить значительный эпизод из моей жизни, связанный с Грузией. Представьте, таких эпизодов было предостаточно. Это и гастроль в Тбилиси, и сильные впечатления от работ грузинских мастеров театра и кино, произведений замечательных писателей и поэтов, встреч с коллегами, зрителями и просто обычными тбилисцами. Как видите, вспомнить есть что. Но самым ярким событием, как говорится, «подарком судьбы» была моя встреча с замечательным человеком, блестящим режиссером М. Туманишвили. В ту пору я работал в театре Ленинского комсомола. Михаил Иванович ставил там спектакль по пьесе Бертольда Брехта «Что тот солдат, что этот», в котором мне была поручена главная роль. Когда меня спрашивают, помню ли я эту свою работу (ведь с тех пор прошло ни больше ни меньше, а почти четыре десятилетия), я коротко отвечаю: «Такое – не забывается!»

Туманишвили приехал в то время, когда я почти год был, как у нас говорят, – «в простое». Фантастика! Но мы долго, очень долго не могли найти общего языка, работа не клеилась. Подошел отпуск. Мы разъехались в разные стороны. И, как мы оба, я подозреваю, думали – не только в прямом смысле. Но, после отпуска, подходя к театру, я вдруг увидел идущего туда же Михаила Ивановича. Не сговариваясь, мы

бросились друг другу в объятия. Почему? Сам до сих пор не понимаю. Но с этого момента мы вдруг начали понимать друг друга с полуслова и работа пошла.

Только все начало налаживаться, я сломал ногу. Кое-кто попытался воспользоваться моментом, предлагая режиссеру свою кандидатуру, но он твердо сказал: «Играть будет только Дуров. Буду ждать столько, сколько понадобится – месяц, три, год. Как только я это узнал, помчался в театр и репетировал с загипсованной ногой. А в день прогона, раньше положенного времени, сам поломал гипс и вышел на сцену в нормальном виде. С тех давних пор нас с Михаилом Ивановичем связывала большая творческая дружба. Я искренне скорблю об уходе из жизни этого уникального человека.

Не могу не сказать несколько слов о вашем, так любимом нами искусстве. Начну с кино. Я просто не помню плохой грузинской картины, но особенно близки мне, как говорится – запали в душу, – «Листопад», «Жил певчий дрозд», «Фавориты луны» и более поздние фильмы Отара Иоселиани. Очень хороши «Берега», «Дата Туташиа», которые пользовались у нас колоссальным успехом. Я искренне рад, что прекрасный мастер Гига Лорткипанидзе, которого я смею считать своим другом и товарищем по сцене, и сегодня работает ярко и насыщено.

По сей день помню прекрасные спектакли в Грузии «Дон-Жуан», «Кавказский меловой круг», «Макбет».

Очень сожалею, что в последнее время мы лишены возможности знакомиться с работами друг друга, но надеюсь, что эта «болезнь роста» скоро пройдет и разум восторжествует!

ВИТАЛИЙ МИШЛЕ народный артист России

Когда я слышу слово «Грузия», прежде всего вспоминаю наши гастрольные поездки в Тбилиси. И хотя с тех пор прошло немало лет, все свежо и ярко в памяти. В 1975 году Московский театр оперетты привез в ваш город «Старую комедию» О. Фельцмана и программу большого концерта, в котором блистали своим искро-

метным искусством Т. Шмыга, В. Шишкин, Э. Орловский, Г. Васильев, С. Бруцин, Л. Амарфий, Е. Кациров, И. Гулиева, Ю. Веденеев, З. Смольянинова и другие.

В столице Грузии я был впервые. Гастроли, к сожалению, длились только десять дней, к тому же все вечера мы были заняты в спектаклях, но тем не менее, впечатлений было масса и все из тех, что запоминаются навсегда.

Помню, первый вопрос корреспондента газеты, которая брала у меня интервью: «Что показалось вам у нас наиболее интересным, значительным? Что больше всего запомнилось?»

Я ответил, не задумываясь, очень искренне:

— Конечно, ваш прекрасный город! Я много слышал о грузинском гостеприимстве, но то, с чем столкнулись я и мои товарищи, превзошло все ожидания. Ничего подобного я пока что не встречал. И, Бога ради, не думайте, что это — пустые слова или долг вежливости. Незнакомые люди встречали нас как родные, проявляли огромное душевное тепло, стремились познакомиться с городом, достопримечательностями. Такая

душевная щедрость поразительна. Это замечательно!

Большое впечатление произвел сам город, так гармонично сочетающий в себе древнее и новое. Великолепен пантеон на Мтацминда. Я столько слышал о могиле Грибоедова и вот мне выпала возможность склонить перед ней голову и прочесть бессмертные строки его жены Нины Чавчавадзе, высеченные на надгробии. Можно лишь поражаться мудрости, восхищаться и

преклоняться перед глубиной чувства этой юной женщины, почти девочки. Это незабываемо. У меня сложилось впечатление, что я соприкоснулся с душами великих Ильи Чавчавадзе, Николоза Бараташвили, Акакия Церетели, которых прежде знал только по их произведениям.

А старый город! Прекрасные парки, буйная зелень, прозрачный воздух, солнце — все эти впечатления мы увозили с собой.

Не могу не сказать хоть несколько слов о тбилисской публике. Она очень теплая, доброжелательная, что, впрочем, не мешает ей быть взыскательной и объективной. Перед первым выступлением мы очень волновались и в начале спектакля исполнители и зрители «пристраивались» друг к другу, но контакт с залом был найден быстро. А провожали нас долгими, бурными аплодисментами.

Если бы мне вдруг выпал свободный месяц (правда, это очень сомнительно), я на две недели удрал бы в лес, в тишину, захватив несколько книг и записи Баха и Монтеверди. А оставшееся время провел бы в Тбилиси и его окрестностях; ведь я столько не успел

повидать в первую встречу!

К сожалению, мне до сих пор не удалось осуществить эту давнюю мечту, но я не теряю надежды. Мы еще повидаемся и порадуем друг друга своим искусством, теплом души и искренними дружескими чувствами. До встречи!

ПАВЕЛ КАНДЕЛЬ
заведующий сектором Института Европы РАН

Мне, побывавшему в Грузии лишь однажды, трудно удивить кого-либо своими впечатлениями. Но и три недели, проведенные в горах Лечхуми, и несколько дней — в Тбилиси, сохранили в моей памяти красоту этой земли.

В минувшем уже XX веке связи русской и грузинской культуры были столь тесные и многообразные, словно они пронизаны единой кровеносной системой. Не случайна блистательная плеяда людей, в самой судьбе и творчестве которых неразрывность и синтез двух культур воплотились настолько буквально, что невозможно сказать, какой из них они больше обязаны и больше принесли: от Булата Окуджава и Георгия Данелия до Темура Чхеидзе и Тамары Гвердцители. Русские переводы грузинских поэтов сделали их частью культуры российской, а развитие грузинского кино и театра вообще невозможно представить в отрыве от русского.

Уроженцы Грузии придали русской культуре многоцветие и широты, а грузинская культура приобрела такой масштаб и такую территорию распространения и взаимодействия, вне которой она и материально, и духовно вынуждена будет резко сузить свои горизонты, едва ли сохранив статус «высокой культуры». Если связи такой интенсивности и глубины будут принесены в жертву преходящим политическим страстям, российская культура лишится одного из питавших ее источников вдохновения.

Беседовала **ДОНАРА КАНДЕЛАКИ**

На строительстве театра им. Ш. Руставели

«ЖИВИТЕ СПОКОЙНО – ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!»

Трудно рассказывать о человеке, которого уже нет с нами. Еще труднее, когда даже не был с ним знаком и приходится обращаться к свидетельствам других. Однако совсем иначе – легко! – писался этот материал. Наверное, потому, что воспоминания близких позволили ощутить незримое присутствие Леонида Мариановича Верницкого где-то совсем близко, рядом – словно я знала его, общалась с ним. Тем более, что наш разговор с дочерьми – Лорой и Лали – и вдовой Леонида Верницкого происходил в интерьере его необыкновенного дома, в котором все было придумано и сделано им самим. Предметы интерьера словно одухотворены им, на каждом – печать его неповторимой индивидуальности. Два поразительных по конструкции камина, изысканная мебель, ее расположение в пространстве комнат, люстры, лифт – золотая клетка, часы «от Шеварднадзе», бесконечные выдумки-придумки... Хозяин будто и не покидал своего уютного обиталища, продолжает жить во всем. Романтическая, несколько театральная обстановка и атмосфера дома свидетельствуют о вкусах и пристрастиях Леонида Верницкого. Мы вспоминали его, сидя в каких-то «средневековых» креслах с высокими спинками за круглым столом, посередине которого – камин («шуацехли»)... И у меня возникли не-

вольные ассоциации с «круглым столом», за которым собирались рыцари короля Артура.

- Папа любил работать с металлом, с которым можно творить все, что хочешь, любил окружать себя зеркалами, создающими эффект ирреального пространства, - сказала дочь Лора Верницкая. – Он спешил жить и работать, хотел заниматься всем....

- Я ему говорила: «Леня, у меня не театр, а кухня!», но он все делал как в театре, - вспоминала вдова Елена Константиновна Лоладзе, приоткрывая тайны своего хозяйства...

- Дом строили десять лет, а потом все время что-то переделывали...

«Леонид всем нужен, всем недоступен...»

- Мы познакомились с Ленией в театре имени Шота Руставели, - рассказала Елена Лоладзе. – К моему другу приехали гости из Литвы, и он пригласил их в театр, и меня заодно... Что было в Лене главное? Он был необыкновенно добрым. Если бы у него были миллионы, он бы их отдал близким и всем, кто нуждается в деньгах... К тому же Леня был настоящим трудолюбивым и очень талантливым человеком. Цена профессиональные качества Верницкого, ему неоднократно предлагали поработать за границей, но Леня ни за что на это не соглашался... даже несмотря на тяжелые обстоятельства жизни после перестройки. Однажды в Ленинграде он познакомился со знаменитым кукольником Филиппом Жанти. Разговорились, и Жанти стал предлагать Лене приехать в Париж и по-

работать вместе... Но он все делал только для Грузии, причем часто безвозмездно...

- Папа сорок семь лет проработал в театре Руставели, был одним из первых художников по свету, - включилась в беседу Лора Верницкая. - В театральном институте он создал тогда единственный в Советском Союзе факультет технологии и техники сцены - готовил специалистов по свету, звуку, механизации. Вложил немалую лепту в создание спектаклей Роберта Стура как соавтор художественно-технологического решения... Все, что хотел режиссер, становилось возможно благодаря фантазии и профессионализму отца. Когда в начале 80-х прошлого века проходила реконструкция театра Руставели, Верницкий привел меня вместе с моими друзьями на сцену - ночью, накануне открытия театра. Мы ходили по сцене, и отец нам все показывал и рассказывал. Наверху горели более тысячи светильников, и он сказал, что с их помощью в любой точке сцены можно получить эффект зажженной свечи. Он внедрял такие новшества, которых не было нигде...

Практически во всех театрах Грузии папа не просто проводил ремонтные работы, но внедрял в них что-то оригинальное, новое, смелое. Принимал участие в трех реконструкциях театра Руставели - в 60-е, 80-е прошлого века, 2000-е годы. В театре юного зрителя папа придумал уникальную сцену - он ее увеличил, сделал сцену-арену. Все эти необычные конструкции всегда привлекали особое внимание гостей - специалистов, людей театра.

Когда начался ремонт здания парламента, пострадавшего в результате гражданской войны, обратились за консультацией к папе. Верницкий мог дать десять советов, и все десять были один лучше другого! У него было множество идей. Отец мог делать практически все! Первые фонтаны в Тбилиси были сделаны тоже им...

- Расскажите о том, где он учился.

- Окончил он вечернюю школу, потом учился в Тбилиском политехническом - получил диплом инженера-механика. Но он разбирался и во всем, что касалось электрической части, автоматики. Позднее учился в аспирантуре при Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии (теперь это Академия театрального искусства). Профессор кафедры «Театральной техники и технологии» факультета «Сценографии и театральной технологии» Академии театрального искусства Вадим Васильевич Базанов приезжал

Л.Верницкий, М.Шведидзе, Р.Стура

в Тбилиси, консультировался с папой по каким-то вопросам технологии сцены, относился к нему с большим уважением как к специалисту. У папы на многое просто не хватало времени - он ведь и лекции читал... Кроме того, на протяжении многих лет он отвечал за все государственные мероприятия, зрелища, работал в Госканцелярии - занимался тем, что касалось озвучания, строительства сцены. Принимал участие в организации празднования 800-летия Шота Руставели - тогда была впервые сделана плавучая сцена на Куре... Многое создавалось из элементарных вещей, нужно было все время что-то придумывать - материалы-то не доставались. Лет пятнадцать назад папа организовал Экспериментальную театральную-конструкторскую лабораторию-мастерскую при Министерстве культуры Грузии и занимался практически всеми театрами.

- А как инженер-механик попал в театр? Ведь Леонид Верницкий с самого начала наверняка и не думал о сцене.

- Он работал поначалу в трамвайно-троллейбусном управлении модельщиком, что ему очень помогло в будущем. А в театр Руставели его направили из райкома комсомола...

- Леонид ко всему относился как профессионал. Думаю, чем бы Верницкий ни занимался, он во всем добился бы успеха. Из него получился бы потрясающий хирург или замечательный адвокат, - уверена Елена Лоладзе...

- Он был так

В кругу семьи

многогранен. И все-таки как можно точно определить его специальность?

- Специалист по технике и технологии сцены... За свою профессиональную деятельность он был награжден Орденом Чести. Был заслуженным деятелем искусств и одновременно заслуженным инженером Грузии - сочетание в принципе редкое, почти невозможное!

Верницкий был очень обаятельным, красивым человеком двухметрового роста. Он не ходил, а летал! Его невозможно было догнать... При этом был очень скромным, старался держаться в тени, скрывался от внимания СМИ, что бы ни сделал. Помню, в одной газете была напечатана маленькая фотография папы, и под ней текст: «Верницкий всем нужен, всем

недоступен»... Он был действительно неуловим. Если кто-то его о чем-нибудь просил или даже если не просил, но помощь была необходима, Леонид Верницкий всегда готов был оказать поддержку, выручить. Но это создавало ему проблемы – он многое не успевал! Однажды снял с петель дверь тогдашнего министра внутренних дел Грузии Эдуарда Шеварднадзе, чтобы провести какие-то работы, и... исчез. Министр несколько дней вынужден был сидеть без дверей. Пока Леню не нашли и не пригрозили: пока дверь не поставишь, мы тебя не выпустим. Да, бывало и такое...

Все мы Верницкие

«Он любил удивлять...»

- Верницкие – поляки, из шляхтичей. Мариан, отец Леонида Верницкого, возрождал в Грузии стекольную промышленность. В 1933 году он приехал вместе со своим братом в составе группы специалистов в Советский Союз. В Грузии Мариан женился на русской женщине – Полине...

- Лора, отец повлиял на вашу жизнь, на выбор профессии?

- Конечно. Я инженер-электрик, окончила Грузинский политехнический институт... Училась в аспирантуре, в том же институте, что и папа. Два его сына не живут в Грузии – один в России, в Москве, другой – в Прибалтике... В свое время отец очень хотел быть летчиком, занимался в аэроклубе, летал на планере, и своих сыновей отправил поступать в Московский авиационный институт. А мне волей-неволей пришлось продолжать дело отца – больше оказалось некому! Я выросла в театре Руставели, за кулисами...

- А как складывались их отношения с Робертом Стурау?

- Замечательно – отношения были хорошие, творческие. Папу очень любил Серго Закариадзе, к нему прекрасно относилась Софико Чиаурели.

По словам близких, Леонид Верницкий любил удивлять, потрясать людей – например, делать неожиданные, нетрадиционные подарки. Если нужно было подарить даме цветы, он никогда не купил бы заурядный букет. Однажды для какой-то женщины Леня вместе с Лорой выдумали подарок – купили красивый, редкий кактус, затем в комиссионном отделе универсама приобрели антикварную, довольно дорогую чашечку. Кактус был пересажен в чашечку и

преподнесен в дар.

Еще один необычный подарок – красивая пивная кружка с плавающей в ней маленькой рыбкой... У Леонида Верницкого было очень развито эстетическое чувство.

Он всегда старался успокоить, говорил окружающим: «Живи спокойно – все будет хорошо!»... Даже в форсмажорных обстоятельствах.

- Папа занимался вопросами обеспечения Госканцелярии, парламента Грузии светом и звуком. Хатуна Гогришвили – она была главой аппарата парламента – рассказывала, как спикер Зураб Жвания неожиданно назначил на следующее утро заседание бюро, хотя помещение еще не было готово. В половине одиннадцатого ночи в парламенте не было ни рабочих, ни папы... ни стола. Хатуна сидела и плакала: «Завтра Зура меня просто убьет!» В одиннадцать пришел Леня и, как всегда, успокоил: «Калбатано Хатуна, завтра все будет! Идите домой!» Она вышла на работу утром – к назначенному времени все было действительно сделано! Часто обращалась за помощью к Лене супруга Эдуарда Шеварднадзе Нанули...

Когда в 1977 году открывался Грибоедовский театр, возникли проблемы с движением сценического круга – он не вращался. Верницкий два месяца буквально дневал и ночевал в трюме, сидел там в телогрейке, в холоде – но круг завертелся-таки!.. Похожий случай произошел в театральном институте – там Леонид Марианович тоже конструировал круг. Режиссер Отар Эгадзе рассказывал, что с его вращением тоже сначала возникли сложности – и это накануне спектакля! Но Верницкий успокоил: «Спите спокойно, завтра все будет!» Действительно, круг на следующий день крутился... Как выяснилось, вращение создавал человек, сидящий в трюме...

Но никто не сердился на Верницкого... Напротив, все его любили, восхищались им. Он никогда никому не завидовал, во всех видел только хорошее...

Верницкий работал до последних дней, пока совсем не отказало зрение. Борясь со смертельным недугом, он упорно делал свое дело. Никогда не говорил о смерти и словно никогда не уставал.

Перед уходом Леонид Верницкий подготовил проект реконструкции театра Грибоедова, но не успел его осуществить. Хотел сделать грибоедовский уникальным – внедрить самые современные технологии. Сегодня идеи Леонида Мариановича воплощает Лора Верницкая – консультант по технологии сцены. «Это, наверное, счастье – продолжать дело отца?» - спрашиваю. «Да, это так!» - соглашается Лора... Без всякой патетики.

О Верницком Роберт Стурау:

- Это был человек театра, очень артистичный и очень похожий на меня: он не мог отказывать людям. Он столько раз произносил слово «Да!», что количество «Да!» превышало его возможности. Так что Лене иногда приходилось прятаться от тех, кому он что-то обещал. Верницкий был необыкновенным инженером, изобретателем, механиком, без него никто не мог ничего сделать в театре. На него обижались, если он что-то не успевал, но он был настолько добрым человеком, что ему все прощалось...

Инна БЕЗИРГАНОВА

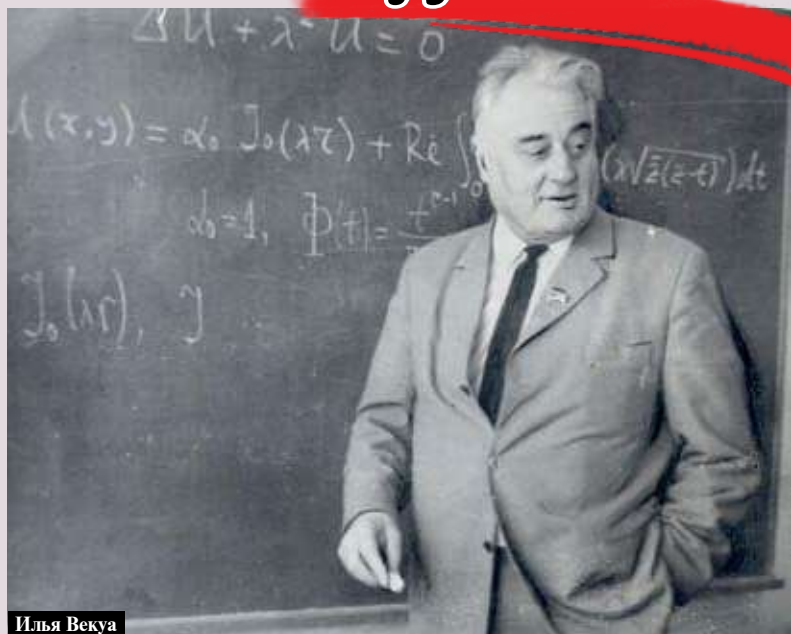
ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Торжества в связи со 100-летием со дня рождения выдающегося грузинского математика, академика Ильи Несторовича Векуа (1907 – 1977) прошли в Тбилиси весной этого года. В их рамках в Институте математики имени И. Векуа состоялись сразу два юбилейных симпозиума. Один – под эгидой Международного общества прикладного анализа и вычислений (ISAAC), второй – под патронатом Международного союза теоретической и прикладной механики (IUTAM). Это очень влиятельные в научном мире объединения. Форум под эгидой IUTAM проводится в Тбилиси уже второй раз. В первый раз он был приурочен к 70-летию академика Векуа. Оба симпозиума открылись в Институте математики в день рождения ученого – 23 апреля и продолжались по 27 апреля включительно.

- В работе симпозиумов, - рассказывает директор института профессор Георгий Джаиани, - участвовали крупнейшие исследователи из Канады, Великобритании, Польши, Германии, Болгарии, Нидерландов, Италии, Австрии, Португалии, Турции, Украины, Армении. К сожалению, из-за проблем с транспортным сообщением между двумя странами в Тбилиси не смогли приехать российские ученые в том составе, в каком они хотели. Академика Векуа многое связывало с Россией и российской наукой, он работал в ряде научно-исследовательских институтов в Москве и Новосибирске, был членом президиума Академии наук СССР. Илья Несторович стоял у истоков основания Новосибирского государственного университета и был его первым ректором в 1959 – 1964 годы. Из российских коллег в работе одного из симпозиумов в грузинской столице смог принять участие лишь Юрий Ершов, который был студентом Ильи Векуа, первым выпускником Новосибирского университета, получившим диплом об окончании этого высшего учебного заведения из рук ректора. Сегодня профессор Ершов – ученый с мировым именем, директор Института математики имени Сергея Соболева Российской Академии наук. В течение ряда лет он сам возглавлял Новосибирский университет.

На открытии обоих симпозиумов, которое прошло в зале заседаний института, состоялась торжественная церемония присвоения залу статуса аудитории имени Ильи Векуа. Ученик академика Векуа – видный польский ученый Богдан Боярский прочел доклад о жизни и научном творчестве грузинского математика. На открытии с приветственным словом выступил также генеральный секретарь ISAAC академик Ван Кампен. В тот же день представители грузинской научной общественности и зарубежные гости возложили цветы на могилу Ильи Векуа в Пантеоне писателей и общественных деятелей на горе Мтацминда. К слову, у сотрудников Института математики сложилась традиция ежегодно подниматься к могиле Ильи Несторовича в день его рождения. Вечером в Академическом театре имени Руставели состоялся юбилейный вечер. В последующие дни симпозиумы работали по секциям. Один день, правда, был посвящен экскурсии в Кахети.

- Меня до глубины души тронуло, - отметил профессор Ершов, - с каким трепетом чтят в Грузии память о блистательном исследователе и замечательном человеке Илье Несторовиче Векуа, которому лично я очень многим обязан. В рамках прошедших в Тбилиси симпозиумов обсуждались актуальные научные проблемы, казалось бы, далекие от тех, которыми

Илья Векуа

занимался академик Векуа. В то же время, исследования Ильи Несторовича во многом определили направления развития математической науки. Поэтому, связь интересов современных ученых с его работами очевидна.

По словам Юрия Ершова, научные заслуги Ильи Несторовича общепризнаны. Он был действительным и почетным членом многих иностранных академий наук и научных обществ, автором более ста фундаментальных трудов, среди которых около двадцати монографий. О нем написаны десятки статей и книг. Ученые всего мира, в том числе, конечно же, и ученые Грузии и России, опираются и ссылаются на его теоретические разработки. Поистине поразительна обширность сферы научных интересов академика Векуа, в которую входят и труды по дифференциальным и интегральным уравнениям, и теории функций, и математическая теория оболочек. За что ни брался этот талантливый ученый, во всем проявлялись его неординарный, пылкий ум, трудолюбие, немалая энергия, исследовательский азарт.

- Нельзя забывать, - добавляет Георгий Джаиани, - что Илья Несторович был также выдающимся педагогом и организатором науки. Эти качества в полной мере проявились во время его работы и в Грузии, и в России. Илья Векуа занимал пост ректора Тбилисского государственного университета в 1953, 1966 – 1972 годы. В 1972 – 1977 гг. он президент Академии наук Грузии. Академик Векуа основал в Тбилиси Институт прикладной математики и был его первым директором с 1968 года до конца жизни. Сейчас наш институт носит имя ученого. Хотелось бы сказать несколько слов о его удивительных человеческих качествах. Илья Векуа был далек от типа ученого, всецело погруженного в науку и не замечавшего ничего вокруг себя. Напротив, его отличало жизнелюбие. Он любил и хорошо разбирался в литературе, музыке, театре, изобразительном искусстве, очень ценил «роскошь человеческого общения», если пользоваться определением Антуана Сент-Экзюпери. Выдающийся ученый был простым, обаятельным и очень внимательным к заботам окружающих человеком. Редко можно встретить пример такой искренней, глубокой, лишенной малейшей показной аффектации любви к родине и своему народу, которая характеризовала Илью Несторовича.

ОТАР ГУРУЛИ

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

«В русской поэзии есть грузинская традиция... Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным ... и разработанный Лермонтовым в целую мифологию...», — писал Осип Мандельштам в 1922 году. Миф этот неуклонно выходит в реальность, обретает внушительный объем и развивается в конкретную историю, изобилующую именами и событиями: породнившийся с Грузией Грибоедов, служба и писательство здесь Льва Толстого и Полонского, дебют в местной периодике Горького, венчание в Тифлисе Гиппиус и Мережковского... А позже — гастрольные наезды Брюсова, Северянина с Шенгели, авангардный десант Бурлюка, Маяковского и Каменского. А следом — длительное пребывание и активная деятельность Городецкого, Крученых, Рафаловича, Ивнева, Терентьева, Агнивцева и многих других в период краткосрочной независимости Грузии в 1917 — 1921 гг., который можно принять за начало русского зарубежья...

Однако настоящее покорение русской изящной словесности Грузией (или наоборот) начинается как раз в советский период. Здесь бывали, работали и творили Тихонов, Антокольский, Асеев, Есенин, Сельвинский, Луговской, Глазков, Лившиц, Вс.Рожественский, Смеляков, Светлов, Пастернак, Вл.Державин, Заболоцкий, Зенкевич, Кирсанов, Инбер, Кочетков... А позже: Тарковский, Левитанский, Винокуров, Межиров, Самойлов, Гудзенко, Шефнер... А еще позже: Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Солоухин, Соколов, Леонович, Ряшенцев, Николаева, Мориц... И под занавес: Кудимова, Кекова, Кушнер, Соколовская, Чухонцев, Синельников, Гандлевский... (Все приводимые перечни имен не претендуют на полноту. Вышедшая в 1983 году в Тбилиси книга «Рус-

ские писатели в Грузии» дает относительно полную, на время ее выхода, картину предмета, за исключением упомянутого периода 1917 — 1921 гг.)

Тут самое время произнести общеизвестные фразы, ставшие штампом: и то, что Грузия — «русской музы колыбель вторая» (Евгений Евтушенко), и что грузинско-русские поэтические отношения, не имеющие аналогов в мировой культурной практике, питали взаимный интерес — и творческий, и человеческий. Здесь же следует вспомнить Коллегию по переводу при Союзе писателей Грузии, стимулировавшую эти процессы, журнал «Литературная Грузия», альманахи «Дом под чинарами» и «Кавказиони», о которых, увы, приходится говорить в прошедшем времени. «Журнал «Литературная Грузия» дал литературное убежище современным русским поэтам, — по его подшивке сейчас можно защитить диссертацию на тему «Русская поэзия, укрытая за хребтом Кавказа», — считает известный литературный критик Наталья Иванова. Беспрецедентная по тем временам интеллектуальная и творческая свобода, «роскошь общения», и, надо признать, соответствующее государственное финансирование — все это, разумеется, способствовало. Но и очевидный магнетизм места, толкуемый Мандельштамом: «Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей национальному характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью, в которую погружена душа и история этого народа».

С середины прошлого века критическая масса стихов русских поэтов, посвященных Грузии, побуждает к изданию отдельных антологий, самая полная из которых «...Если пелось про это». Грузия в русской советской поэзии», составленная Константином Симоновым, выходит в 1977 году. Ее второе дополненное издание, вышедшее в 1983 году, включило 145 авторов. Эта цифра (что и подчеркивали издатели) уже тогда могла быть еще внушительнее. В том не попали, например, Пантелеймон Петренко, Виктория Колобова, Сергей Герасимов, Анна Бердичевская, Мадлен Роземблум, Сергей Гандлевский и многие другие. В сборник вошло около двадцати местных, тбилисских авторов, выделить которых в отдельную группу отнюдь не просто. Куда, в самом деле, отнести Булата Окуджаву, который родился в Москве? Или как определиться с Сергеем Спасским, тбилисцем по происхождению? А как быть с Натальей Соколовской или с Юрием Юрченко, прожившими в Тбилиси значительную часть своей жизни, и творческой, и личной?

Ход истории одним жестом изменил положение дел, и русские поэты, живущие в Грузии, получили статус представителей литературы русского зарубежья, автоматически выделившись в отдельное явление и по административному факту, и по факту своего существования. Тем более, что у этого предмета есть и своя история, и свое творческое лицо.

Реалии таковы, что здешнее русскоязычное население, находясь в отдалении от языковой метрополии и в некоторой изоляции в среде говорящего по-грузински большинства, с одной стороны явилось носителем языка, на котором говорили в России несколько десятков лет тому назад, с другой — над ним, несомненно, довлеет гений и язык места проживания. Все

это сообщало местной русской поэзии некоторую устойчивую традиционность.

В век же компьютеризации статус-кво заметно меняется, особенно среди пишущей молодежи, которая входит в виртуальный литературный мир и со свойственной молодости быстротой улавливает веяния времени и, в том числе, трансформацию, происходящую с русским языком и литературой. Соответственно, основное направление, которое, как нам представляется, можно квалифицировать как тбилисский неоакмеизм, а отчасти и неосимволизм, разбавляется более актуальными опытами молодых авторов, с готовностью реагирующих на прихотливые изменения пейзажа русской поэзии.

В последние годы русские литераторы и любители словесности Тбилиси объединялись в общества «Арион», «Музыка слова», «Надежда», «Мансарда», «Реликвия». Продолжает существовать, правда, очень малочисленная, русская секция Союза писателей Грузии. Сегодня в городе по частной инициативе выходят, увы, не регулярно, русские литературные журналы: «Русское слово», «АБГ», альманах «Мансарда», с 2005 года при поддержке Российского посольства стал выходить альманах «На холмах Грузии». В 2005 г. при журнале «АБГ» образовался «МолотО.К.» (молодежное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси), издающий одноименный журнал. Почти все эти издания выставляются в Сети. В 2007 году вышел журнал Культурного центра «Кавказский дом» «Альтернатива» (редактор Ш.Иаташвили) под девизом «Многоликая страна». В номере абхазские, осетинские, азербайджанские, армянские, курдские поэты и прозаики в переводах на грузинский язык. И 23 русских автора, представленные с параллельными текстами. Подобная публикация, можно с уверенностью утверждать, является беспрецедентной в постсоветский период.

Несмотря на усугубляющуюся моральную дистанцию от языковой метрополии, ряд тбилисских авторов – Инна Кулишова, Паола Урушадзе, Сусанна Армянян, Мария Фарги, Владимир Саришвили, Дмитрий Мониава, Гагик Теймуразян и другие – представлены в толстых журналах и антологиях (например, в антологии «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России», вышедшей в НЛО в 2004 году) ближнего и дальнего зарубежья. Молодые же поэты пользуются возможностью размещаться в сетевых журналах и создавать собственные сайты.

Но несомненно и то, что здешнее «русское зарубежье» плохо интегрировано в жизнь как российского, так и иных литературных пространств. Возможно, этой оторванностью и некоторым отставанием от текущих литературных процессов и объясняется отсутствие интереса к нему... Внимание культуртрегерствующей части нынешнего российского Парнаса, как правило, распространяется на нынешнюю новую и мало известную в России грузинскую словесность. Периодические же визиты русских литераторов, как, например, пароход с поэтами, заходивший некогда в Батуми, или недавний визит Игоря Иртеньева с Аллой Боссарт, или другие, никак не отражаются на местной русской литературной реальности.

АННА ШАХНАЗАРОВА
МИХАИЛ ЛЯШЕНКО

ИННА КУЛИШОВА

у маршалов иные времена,
лицом к лицу лица не увидеть,
сейчас они идут не в бой, а на,
что правильней, ядрена, твою рать.

у них погон, что некогда сапог,
что касок, остающихся в пыли,
крови - всегда чужой, всегда в залог,
а надо же, ведь большее могли.

у маршалов иные имена,
поет обрубок в кресле у окна,
им всем идти бы, где бы ни бы... на,
и нет большого дела, где война.

А в нас, у нас, у них война везде,
пардон за рифму, завтрашний сержант.
И часовой, приставленный к звезде,
и рядовой, обрядовой, - лежат.

Они давно лежат, живы, мертвы -
неважно, лишь бы не было, увы,
зевают злые каменные львы,
и не сносить сержанту головы.

9.05.07

у русел ручьев русофильский наряд
берез - как готовы к хазарам стоят.
как воины в профиль предэрных веков.
межпаузность в "стало" и "плотью", и то в
лишь первом непереуверенном, до стран.
акриды, что тезка его Иоанн,
не морщась, но взглядом того муравья,
который прополз вдоль реки до всея.
и прочерки, почерки, точки-тире
на этой готовой к хазарам коре.
в сказуемом непредсказуемом, не-
не подле лежащем, а там, в стороне,
и разом, и сказом - в лесо-наповал.
и пропасти пасть словно кто целовал,
вцепившись в замоленный вышний провал,
и Небо - что вечный Господний подвал.

Июль 2005

Янеттебе янет Тебе из волчьих вотчин.
Миф лиц, тиф лиц, Тифлис персидской хватки, днесь
я здесь, яздесь азъесть, и голос не отточен,
и грифель языка пылит, любви не счесть
ни с дел, ни с тел, низ душ болтается над раем,
и их имен не знать, неznать не znать, неznать.
Вот так, без никого, бестактно умираем,
и не предупредить, крестом сходя на ять.

Каких там Анн, Иван, не вывести за скобки?
Какими рабби быть, чтоб новичком воздеть
шалаш дырявых рук? Разучены раскопки
речей. Гидон, до дна допотопного! Се плеть
небесная - она. Сей музыку араба,
гараж бескрышный, бес калиберных авто.

У либерти лицо нерусское - не баба.
Я проглочу Тебя. Не выследит никто.
Октябрь 2006

Из устья лилась непотребная речь.
И в пойме, как в пойле, проржа, и ни ржи
над пропастью. Мне бы - да Небо стеречь,
стервятник-язык кинул в морду: "Держи!"
Я - вор, улелетываю. Заплати -
удержанных ужасом днями балласт.
Я - лепет, ворую, не зная пути.
И Бога, о Боже, я выдам! Не даст.
Другими друзьями других, и сестер
и братьев другими других, и мужей -
дур-шла(к). Мне ни каши, ни масла - топор.
На том берегу поджидает К@щей.
Билингва, второй - немота, несудьба.
Смотрите, любуйтесь - не станет за мной.
На тот километр, за версту, у столба
я лягу одна анонимной зимой.

Июль 2005

Я оторву от жизни уголок
и спрячу на груди, как Филомена
на вырез платья зеркалом дорог,
сползающим сначала до колена,
свою судьбу, кривую, что омела,
счастливую, как вымытый порог.

Чтобы никто додуматься не смог.
Дотронуться, дознаться, наглядеться,
как бьется острием наискосок
разорванного толика наследства,
ребро воскл.знака, неба поперек.

Не изменив от перемены мест
суд суммы, от которой в результате
останется пустующий подъезд,
ни разу не надеванное платье.
И где мои разрозненные братья,
как торбу, Тору, вынесут. Гефест

скует для Афродиты пояс вер,
в котором ей любить и быть некстати.
Тоскует по Гераклу силомер -
как, Господи прости, по Сыну Матерь.
По сыну - Дочь. Чу! Ангел пролетел.
Любому «верь» неверье знаменатель.

Декабрь 2006

скромные скоромные дела, о, скоморохи,
и мороки сколько, как морошки под ногами
ловчих,
ловких гу-доверчивых детишек. Гу-у-ли-голуби,
сердечко
ты мое, какого цвета глазки, ручки-ножки,
власяницы?

Вас задумали девицы, неразведенные охи
под чужими потолками, облаков невкусный
плов - чьих

рук недела? А на кой в очах очаг, и что там
катится, как гречка, -
ехал пусть бы, рек чрез реку, греки, что у вас за
лица?

Скотобойни скоморохов, банты, антики, поверья,
дионисийствуют дочки-матери, сынки-отцы на
яйцедвуголовой синей, разлинованной планете.
Дети, дети, дети, дети. Кто привел вас всех Оттуда?

Дымы-мы, до-тепы, сроков нам не дали, только
перья
да листки, асфальтов кляксы, да места без сна и
Сына,
за Отца, за Мать. За Будду? И не вспомнятся
спагетти
в упаковках дома, карт и фотографий. Что, Иуда?
11.10.05

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Город не спит. И настойку пустырника
Капают в чашечку в лунных лучах.
В латаном рубище нищего лирика,
Рад и куску перепрелого сырника,
Странствует, ноги едва волоча.

В город нахлынуло мутное варево,
Мтквари окутал весенний туман,
Люди не верят словам государевым,
Людям привычнее вечный обман.
2006-2007

Здесь дом стоял, пока гигантский шар
Не врезался в намоленные стены,
И здесь она мне приносила в дар
То ласки, то стихи, а то измены.

Здесь дом стоял. Я приходил сюда,
Мы пили чай, кипящей цвета стали,
И звезды в небе, как в горах слюда,
Приветливо и радостно блистали.

Здесь дом стоял. А ныне здесь овраг,
Лишь кое-где видны обоев клочья.
Молчу, молчу, я сам себе не враг.
Не расскажу - что было майской ночью.
2006

Воздух вешний и сер, и тяжел, как свинец,
Волны катятся, дуяся и споря,
И циклон, как циклоп, гонит тучных овец
Вдоль скалистого берега моря.

Это Крым. Это дым из домов-кругляшей.
Крепкий кофе в песочнице сварен.
И бросает торговке пригоршню грошей
Свеклолицый сердитый татарин.

Ты теперь далеко. Ты уже далеко.

Приближенье бессонницы страшно.
Пресный корж на столе. В небесах - облака.
Остывает вечерняя брашна.
2005

Не услышу сегодня твоих торопливых шагов,
Опускаются сумерки, дом наполняется тьмою,
Я в компании мелочных, злобных античных богов
Скоротаю часы до зари, оглушен тишиною.

Не пора ли за ужин? Настольную лампу зажечь...
Не войдешь ты сегодня под кров мой, от курева
сизый.

Льется в душу мне эллинов ковано-плавная речь,
И ласкают мой взор Парфенона лепные карнизы...
2005

ДМИТРИЙ МОНИАВА

Как много женихов. Один из них
Подхватит на руки и сделает счастливей.
Но вкрадчивая сталь ползет сквозь рожь и
ливень.

Так медленно, что отражает их, -
Так, словно принимает острее -
Один из них - судья, охотник и насмешник,
Князь света или тьмы, твой дрозд и твой орешник.
Твой сын, твой бог и яблоко твое.

Тень. Тени. Капли. Серебро с вином.
Епископ в кресле. Время. Так неловко,
Что прочее осталось за окном,
Где третий час идет бомбардировка.
Он верно спит. Точеные шары
На спинке кресла, в глубине пространства,
Напоминают влажные миры
Где не было ни сна, ни христианства.
Он стар еще. Он сделал лишь глоток.
И замыкают воздух как оправа,
Как медный Юг и бронзовый Восток -
Подсвечники, что за спиной и справа, -
Все линии, что пустота света
Вокруг него, - и остается алый
Просвет окна и озеро стекла
И бомбы, что слетелись на кварталы.
Огонь все ближе к небу, - от чего
И облака похожи на ожоги, -
Оставь Его. Не оставляй Его.
Он спит за всех и видит сны за многих.

БАЛ БЕЗ ГЕТЕ

Германия. Грушевый лимонад
И мир дешевый словно кольца над
Обкурленным и верным вереском,
Между рейнвейном и хересом,
Как между дьявольским и божеским,
Но не божественным. - Усобицы
Мешают перевозке мозельских...
Пусть будет бал, пусть будут со стены
Соскоблены комки словесной глины,

Поминки будут в ранг возведены
С малиновым названием именины.
В который раз сойдутся на ножах
На полустертой и немой картине,
Все тени распростерты в веках,
Все дети на штыках и на руках,
Все поцелуй с привкусом латыни.
И пусть уже кивая на восток,
Убийственно в окно, с улыбкой вишни
Залетный и циничный ангелок
Укажет кто был князь,
а кто был лишний.
И пусть поплачет после в зеркала,
Вишневыми и пухлыми устами,
Как в давке отдавили два крыла
Серебряные с черными крестами.

МИХАИЛ ЛЯШЕНКО

ПРИЧЕТЬ

Смилуйся, во сне приснись,
покуражся, подразни,
на обоях, на клеенке,
на давно отснятой пленке,
на ладони проявись,
по каналам телефонным,
из фиала, из бутона,
из оборок, из пеленок,
из оберток появись.
Чтобы занавес завис
и пошел знакомый фриз
театральным беглым фоном,
сладкий воздух стал соленым,
появись из-за кулис
или сквозь проем оконный,
к теплой стенке прислонись...

Мы с друзьями. Непогода.
Воля. Тайная свобода.
Время, — пьем на посошок,
отворотнo-закладную,
забугорно-стременную
и какую там еще?
И наотмашь. И пошел.

Лестницею винтовую.
Воздух ветренный, как в поле.
Ниже, ниже этажом,
незнакомым переулком,
непроглядным, узким, гулким,
эскалатором в метро,
между пальцев, между строк,
раскачавшимся тоннелем,
как порхая, по панелям,
через лужи, водосток
северней и на восток,
обернувшись на носке, -
в темный замок на песке...
В узкой раме разместись
в мученичестве красивом,
честном, но невыносимом,
снам оставив чистый лист.

Смилуйся! Во сне приснись...

Мне было нечего сказать.

...Текст сам лепился из снежинок,
из черных бусинок ажины,
из спиц сквозного колеса,
из недомолвок, из ошибок,
он сам свои узлы вязал
из резвых мраморных прожилок,
под стрекот медленной пружины,
ужом холодным заползал
за воротник и путал руки...
Поставим в рифму — просто «глюки»
или наигранный азарт.
А дальше — майская гроза,
хмельные запахи из детства
и хор ребят на голоса.
Текст бил в десятку, шел впросак.
И тут уж засвистала птица —
одна знакомая синица,
качнулись бездны на весах,
в созвездье не хватало пса,
для счастья не хватало денег,
во сне — свободного падения,
озона — в ветреных лесах —
и то понятно — понедельник.

Но встали сосны по местам
и омуты в зеркальном небе,
плыла по ним Царевна-лебедь,
и шла приборя полоса,
лиловый мох зацвел в пазах,
часы на миг остановились,
на кончике иглы иль шила
зажглась дежурная звезда,
запаздывали поезда,
поскольку мы на них спешили,
вода стеклянная крошилась,
светилась золотом лоза,
и по золотоносной жиле
шла золотистая оса,
шли голоса по проводам,
пошел ледник с крутой вершины
в неведомые города.
И мы на этом свете жили
плодами, вымыслами, пылью,
чтоб не исчезнуть никогда.
Я, разгадав свой ряд ошибок,
как трезвый заводской подшипник,
неумолимо осязал
недовершенство колеса
и жар у пишущей машинки...
День приподнялся на носках,
чтоб с неба снять свои снежинки.
И я на свет открыл глаза...

И больше нечего сказать.

Вдруг пыльца глаза слепит,
вдруг вино меняет лица,

дни мелькают, как страницы,
небо гомоном кипит,
ласточки полощут воздух,
в теплой бездне тесно звездам,
и маяк всю ночь не спит,
и часы вращают время,
ветер вырвался из плена
и качает фонари,
вдруг возможно отшутиться,
откреститься, притвориться
и вспорхнуть с ладони птицы,
и уйти за облака,
и нечаянно вернуться,
и присесть на кромку блюда
иль факиру на рукав.

*Нас много за столом.
Приборы, звезды, свечи.
Б.ПАСТЕРНАК
Из летних записок
«Друзьям в Тифлисе»
Лето 1936 г.*

Да, так и жил.

В российской хате,
бывало, — горло перехватит-
и я, и мы, и Пастернак...
Мои друзья. И мы в Тбилиси,
и эти мраморные выси —
все так: Кура, Навтлуг, башмак...
Другой порой, в ином году,
мы чачу пили в том же месте —
да, в Ботаническом саду,
но без приборов и созвездий,
а как придется, из горла.
Круги голодного орла
чертило небо.

Пахло снегом,
опавшей хвоей, теплым хлебом.
Мы перед небом.

Сквозь ограду
на лица нам от водопада
шли ледяные тучи пыли.
А мы не морщились и пили.

ГУСИНОВКА

Небо в луже и овраг,
где-то тут и море рядом.
Вдруг — ампиный особняк,
голубая колоннада,
золотая охра, лира,
три нахальные менады,
два застенчивых сатира
за фронтоном отводят взгляды,
кот на крыше, как копилка
в струях вешнего эфира.
Завершая колоннаду,
довершением к ампиру
валенки стоят и вилы,
дров припас, мешок опилок...

Несказанная страна,
Черноземная Пальмира.

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

БЫВШАЯ СУДЕБНАЯ

Мы вышли к ней случайно,
минув чей-то двор,
и начали с начала —
как черти накачали —
давно забытый спор...

Он всплыл из вод летейских,
нас за собой увлек...
Какой-нибудь, третейский,
судья бы нам помог...

Но мы его не звали,
тогда мы знали сами
начало всех начал...
И город как-то замер
и нас не замечал...

Тот случай на Судебной
был молод и нелеп...
На улице Судебной...
На улице Судеб...
2004

ТИФЛИСУ

Как мне быть с городами,
которых уже не увижу...
Что мне делать с людьми,
в тех, потерянных мной городах...
И как с памятью быть,
для которой все ближе и ближе
то, что в землю ушло,
утекло, как сквозь пальцы вода?..

И совсем не беда, что тебя никогда не откроют,
а открыв, проворонят, как Шлиман — Приамову
Трою,
и чужое столетие прилепят к твоим черепкам,
и никто не узнает,
каким ты молился богам...

А пока... я иду по тебе, как ни в чем не бывало,
по родной стороне —
эмигрантом девятого вала...
2005

РЖАВЫЙ ЖЕЛОБ

Дождь отошел...но остается желоб,
чтобы по капле, гулкой и тяжелой,
твердить одно и то же — битый час...

Он стар, он ржав, он вовсе не безумен,
он просто, как отчаявшийся зуммер,
не верит в то, что связь
оборвалась...
2004

ВАХТАНГ БУАЧИДЗЕ

ШЕПОТОМ

Мое спасение. Янтарный берег мой.
Я не могу властвовать вечно
Над пошлостью, обманом, нищетой,
Томлением невысказанной речи.
Свои слова я прогоняю сквозь
Бессмертных истин строй тяжелозвучный.
И если вдруг у слова хрустнет кость,
То пусть я этим словом буду мучим
До хрипа в затененной белизне
С расплывшейся по стенам тишью дикой.
Любимая, я не могу к тебе
Приблизиться, не перестав владыкой
Быть над обманом, глупостью, тщетой,
Угодничеством горького еля.
Мое спасение. Янтарный берег мой.
Дай выброситься, раз пристать не смею.

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

так вот: больничным коридором
сухой тропой, или путем
иным, неважно скорым
иль пассажирским, или сном,
да, сном, который (здесь) не смерть,
лишь релаксация да выбор
на подсознании. Заметь,
с утра саднит и щиплет небо,
так телу хочется болеть.
но я про то, как коридором...
глотаю звездочки сирени,
тебя не заставая дома,
растя в себе преодоление.

ДМИТРИЙ СПОРЫШЕВ

Две полосы красные
на белом снегу.

Волосы. Взгляд.

Собаки-карлики
залайали на
проходящего мимо мужчину.

Заплакали стены.
Запрыгали взгляды.
Тень от Вселенной
разбилась о снег.

Из звездного ведра
пролили луну на ладони,
начало женщин с бедра,
с мужчины, летящего в сон.

Две полосы, три, дальше...
Со счета сбиваюсь
раньше не замечал – ты красива!

но снег начинается с неба,
а ты с проходящей разлукой
из прошлого века
по белому снегу
меж красных полос
на босую ногу
к кому-то идешь.

СУСАННА АРМЕНИЯН

С магнитной ленты льется тихий Сплин.
Привычно выбиваю клином клин,
Над домом ночь – она лежит на крыше,
Пытаюсь разглядеть в небесной нише
И в звездной гуще чью-нибудь судьбу.
Она луну таскала на горбу,
Надкусывала край, роняла крошки,
Прокладывала лунные дорожки.
Устала. Черепица под лопаткой,
Под локтем водосточный желоб шаткий,
На шиферной подстилке голова.
Уютно ей. И нам двоим не спится.
И звездной пылью вниз летят слова.
И музыка росой на них ложится.

ДМИТРИЙ ЛОСКУТОВ

Зачем я ищу твоё отражение
За белыми древними буквами
«Не прислоняться»
И, не находя,
Перехожу к дверям напротив?
Приближаясь к готически-темному
Перрону «Авлабара»,
Вглядываюсь в силуэты
Возвращающихся домой,
Спешащих на банкет,
Выходящих на работу.
Но где та печаль и безразличие ко мне,
Где то натуральное одиночество
И приобретенное недоверие?
Все это осталось в прошлом.
Холодной весной.
В надушенном эйфрешами вагоне.
Между «Потсдаммерплатц»
И шариком ручки,
Ставлящим точку после даты
Десятого августа
Две тысячи шестого года.

10.08.06

ЛЮДМИЛА ОРАГВЕЛИДЗЕ

ФАСАДЫ

Неуемный и смешливый,
Кто-то ловко пляшет с кистью,
Словно мальчик озорливый,
Метит окна, метит листья

Город красят. Так и надо.
Вид приятно-надлежащий.

Люди смотрят на фасады,
Я же — больше на смотрящих

За фасадом, где мне рады,
С руку — щели, в дырах — шторы
И от плесени и смрада
По углам грибные споры.

Здесь, где стены даже за ночь
Опадают серой крошкой,
Много лет живет Сан Саныч,
Мой учитель в давнем прошлом
От дверного перекося
Рухнул угол, — как примета
Отколовшихся вопросов,
Заблудившихся ответов.

АННА ЛОБОВА

*Кламовка. Следующая остановка — Кавалирка.
Диктор в пражском трамвае.*

Под ласковое это караоке
я тоже сметь, я даже петь смогу
(восторженный теленок кареокий)
по буковке, по буковке, по бу

побудь со мной. Но горлицей жемчужной
из влажной от волнения горсти
вспорхнешь. И фотографий мне не нужно —
трамвайный звон на ней не унести.

ИГОРЬ ЭИБОВ

Я стал размеренней и тише,
Я стал прозрачен, как хрусталь,
Я призрачен, как кот в кустах,
А за окном деревья дышат.

Ночной февраль.
Грустящий холод
Над челкой темноты заколот,
Едва колышется вуаль.

И, кажется, что балерина
Сейчас поклонится, вздохнет,
По подоконнику порхнет.
И вот уже несут корзину

Спокойно-белых нежных роз.
Где музыка?... но паутину
Бросает утро на картину.
И гаснут огоньки мимоз.

Я пыльное зеркало,
по которому ты провела рукой
и вдруг увидела свое отражение.

Зурабу Анджапаридзе посвящается

В этом году великому грузинскому певцу Зурабу Анджапаридзе исполнилось бы 79 лет. В сквере Тбилисского оперного театра, где похоронен Зураб Иванович, днем собрались его близкие, почитатели, и одноклассники, к числу которых принадлежит и автор этих строк.

Да, мы – одноклассники были первыми и благодарными слушателями и ценителями его редкостного таланта, красивейшего голоса. Незабываемые воспоминания...

Спустя несколько часов в концертном фойе театра им. К. Марджанишвили состоялся вечер памяти нашего неповторимого Зураба. Он проходил в рамках международного фестиваля «От Пасхи до Вознесения», проходившего у нас под патронатом Католикоса-Патриарха Всея Грузии Ильи II. Организаторы фестиваля – концертмейстер тбилисского оперного – известная пианистка Виктория Чаплинская и музыковед Манана Давиташвили. Спасибо им!

Программа концерта целиком состояла из произведений грузинской вокальной и инструментальной музыки, исполнителями же были как известные совре-

менные певцы, так и молодые способные музыканты. Мери Жвания исполнила части из сонаты для флейты Отара Тактакишвили, а дуэт гитаристов братьев Квацхелия вместе с флейтисткой из Германии Сабиной Абос воссоздали причудливый мир пьесы «От зримого – до незримого» молодого композитора Нино Джанджгава. Они же мастерски исполнили народные миниатюры (переложения) Сулхана Цинцадзе.

В. Чаплинская и Т. Гугушвили

После концерта

Как и ожидалось, с большим успехом прошли выступления молодых, но уже известных талантливых певцов Ирины Ратиани и Сулхана Гвелесиани; поистине триумфальным успехом увенчалось исполнение маститого и блестящего вокалиста Темура Гугушвили, спевшего две арии Миндия из одноименной оперы О. Тактакишвили.

Особо следует отметить, что в концерте, помимо известных вокальных сочинений Дмитрия Аракишвили и Алексея Мачавариани, прозвучали новые опусы Кахи Цабадзе и Гурама Бзванели, тепло принятые слушателями.

Символическим был «последний аккорд» концерта, когда зазвучала запись песни Резо Лагидзе в чарующем исполнении Зураба Анджапаридзе...

ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Hotel Alik

Атмосфера тепла и уюта сделают ваш отдых незабываемым!

2, General Mazniashvili street
Batumi-Georgia

Resepion: + 995 222 75802

Mobile: + 995 77 580808

Fax: + 995 222 75803

President + 995 222 75801

Mobile: + 995 77 410404

+ 995 77 900404

Fax: + 995 222 30333

<http://hotelalik.gol.ge>

E-mail: alik@gol.ge

БАТУМСКИЙ ФИЛИАЛ

BATUMI BRANCH